Ровесник

1

1975

РОВЕСНИК

1
1975

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

На первой странице обложки: Мексика. Как и тысячу лет назад... Как и в каждой стране... В любое время года... Любое начало подходит к описанию этой вечной картинки — мальчишки гоняют мяч. Социологи в этом случае говорят: активный отдых — одна из форм использования свободного времени.

Фото из журнала «Ты» (Мексика).

2. СМОТРИТЕ! ВЕЛИКИЙ ДЕНЬ — ПОБЕДА!
4. ЧТО ВЫ ДЕЛАЕТЕ, КОГДА НИЧЕГО НЕ ДЕЛАЕТЕ? АНКЕТА «РОВЕСНИКА»
6. СКАЖИ МНЕ, КАК ТЫ ПРОВОДИШЬ СВОЕ ВРЕМЯ, И...
7. **Э. Соколов.** ФЕНОМЕН СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ
9. **С. Вишневская.** ЧИТАТЬ ИЛИ НЕ ЧИТАТЬ?
12. **Энцо Рава.** ВОСКРЕСНЫЙ ВЕЧЕРОК В ЛУНА-ПАРКЕ
15. **Игорь Фесуненко.** СЕДЬМОЙ ДЕНЬ НЕДЕЛИ
17. **С. Ремов.** САМЫЙ ВЫСОКИЙ ХОЛМ
20. **Жорж Арно.** ВСТРЕЧА С АНДРЕАСОМ ААЛЬБЕРГОМ. РАССКАЗ
22. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
24. **В. Осокин.** ДЕМИС РУССОС: «Я И МОЙ БУЗУКИ» **А. Невицкий.** БРАНИМИР ДЖОКИЧ: «Я ИГРАЮ НА АККОРДЕОНЕ»

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Январь, 1975 г.

НЬЮ-ЙОРК. Более 15 тысяч человек, среди которых находилась известная американская общественная деятельница и борец за гражданские права Анджела Дэвис и популярная актриса Джейн Фонда, участвовали в митинге, посвященном борьбе за независимость Пуэрто-Рико. Верховная законодательная власть на острове с 1898 года принадлежит конгрессу США, здесь действуют также американская почтовая и денежная системы, хотя формально Пуэрто-Рико пользуется правами самоуправления и имеет собственную конституцию.

БАХРЕЙН. В новом учебном году в Федерации арабских эмиратов, насчитывающей около 320 тысяч жителей, приступило к занятиям 60 тысяч учащихся, что на 25 процентов превышает цифру прошлого учебного года. В школах приступили к работе 650 новых учителей.

АДДИС-АБЕБА. Учрежденная Временным военным административным комитетом Эфиопии комиссия по борьбе с голодом развернула кампанию помощи населению страны, в которой активное участие принимают студенты.

На снимке: студентка университета Аддис-Абебы собирает добровольные взносы населения в помощь голодающим.

ЩЕЦИН. Студенты медицинской академии выступили с инициативой: «К детям с открытым сердцем». Речь идет о постоянной опеке над больными детьми, находящимися в педиатрических клиниках. Новое благородное начинание польских студентов поддержано местными предприятиями, выделяющими постоянные денежные суммы на покупку игрушек и подарков. Работа студентов находит отклик и у деятелей культуры. Артисты таких популярнейших в стране театров, как «Польский» и «Вспулчесны», организуют для детей, пораженных тяжелым недугом, бесплатные представления.

ПАРИЖ. «Viens avec nous!» — «Идем с нами!» — под таким лозунгом проходила в 1974 году кампания по обмену билетов и приему новых членов в Движение коммунистической молодежи Франции (ДКМФ). Кампания показала, что движение за проведение политики социального прогресса, за демократию, независимость, мир, за усиление роли молодежи находит широкий отклик среди юношей и девушек Франции. Только во время праздника коммунистической печати в ДКМФ вступило около 11,5 тысячи человек. Всего в рядах организации насчитывается более 70 тысяч комсомольцев.

На снимке: плакат ДКМФ «Идем с нами!».

в этом номере:

ДЛЯ ЧЕГО ЧЕЛОВЕКУ СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ?

—мнения социологов, наблюдения журналистов, суждения ваших ровесников.

ВСЕМИРНЫЙ
МОЛОДЕЖНЫЙ
ТЕЛЕГРАФ

ВСЕМИРНЫЙ
МОЛОДЕЖНЫЙ
ТЕЛЕГРАФ

ЛОНДОН. Министерство труда Великобритании считает, что до конца нынешнего десятилетия люди с высшим образованием будут составлять шесть процентов всех работающих.

Однако увеличение количества дипломированных специалистов, говорится в докладе, опережает возможности их трудоустройства в соответствии с полученной квалификацией, и поэтому 20 процентов выпускниц и 5 процентов выпускников высшей школы будут после окончания вузов работать на местах, которые прежде никогда не занимали люди с дипломом.

НЬЮ-ЙОРК. XXIX сессия Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций подавляющим большинством голосов приняла резолюцию, в которой потребовала восстановления попранных военной хунтой гражданских свобод в Чили, соблюдения ею принципов Всеобщей декларации прав человека. Актуальность этой резолюции подтверждается распространенным недавно Международной юридической комиссией документом, где указывается, что в Чили продолжаются незаконные аресты и пытки.

На снимке: плакат из французского журнала «Авангард» в поддержку правого дела чилийских патриотов.

СЕУЛ. В Сеульском университете произошли серьезные стычки студентов с полицией. Более тысячи студентов — участников демонстрации потребовали от властей освобождения своих товарищей, которые были упрятаны в тюрьмы за «участие в заговоре» против существующего режима и «пособничество деятельности» национальной федерации демократической молодежи и студентов Южной Кореи. Полиция применила против студентов слезоточивые газы. Министр просвещения южнокорейского режима сделал заявление, в котором угрожал закрыть 13 вузов страны. Всего с января 1974 года, когда власти начали карательную кампанию против студентов, было осуждено более 200 человек.

БЕРЛИН. Союз свободной немецкой молодежи объявил центральным молодежным объектом один из участков газопровода от Оренбурга до западной границы Советского Союза и далее — в страны — участницы СЭВ. Этот участок, протяженностью в 550 километров, проходит по территории Украины от Кременчуга до Бара. Молодые строители участка газопровода будут отбираться из числа передовых рабочих, инженеров, демобилизованных воинов Народной армии.

Как известно, решение о строительстве новой трассы было принято на 28-й сессии СЭВ. Кроме молодежи из ГДР, в стройке наряду с советскими строителями будут участвовать бригады трубоукладчиков Польши, Чехословакии, Венгрии и Болгарии.

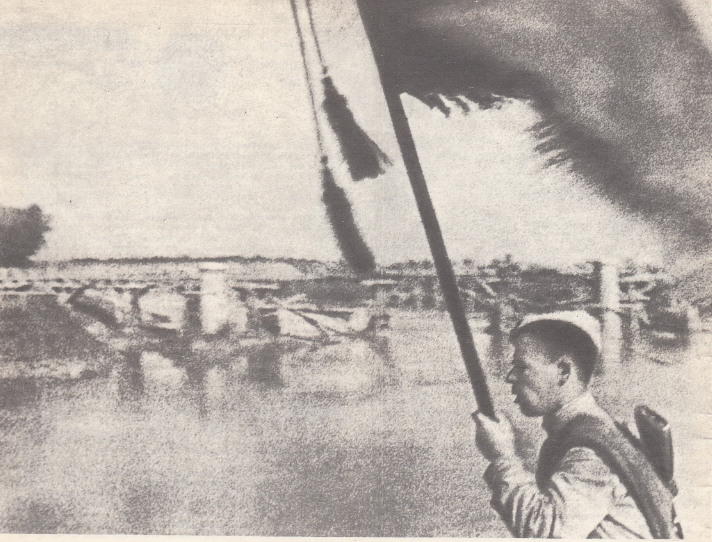
БОСТОН. Для многих учащихся этого крупного города США занятия в школах возобновились в этом году с опозданием более чем на два месяца. В конце октября посещаемость, согласно подсчетам местных органов народного образования, едва достигала 75 процентов.

Местные и специально прибывшие в Бостон из других городов страны поборники «чистоты белой расы» начали устраивать шумные демонстрации, забрасывать камнями негритянских детей, осмеливающихся явиться в «белые» школы согласно постановлению окружного бостонского суда. «Общенациональный заговор расистов» — так охарактеризовало местное отделение Союза молодых рабочих за освобождение события в Бостоне.

На снимке: куклуксклановцы стягивают силы к одной из школ Бостона.

смотрите !

Настанет май, и мы отметим эту дату в юбилейный, тридцатый раз. Нет, не отметим, мы отпразднуем этот высочайший подвиг нашего народа, мы поклонимся памяти рядовых богатырей в шинелях, мы с горем и гордостью вспомним имена известных и неизвестных... Ведь они наши отцы и наши матери...

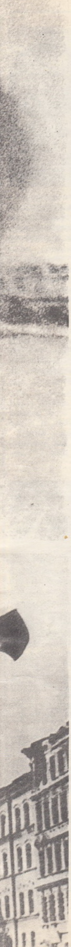
С этого первого номера 1975 года «Ровесник» начинает публикацию материалов, посвященных незабываемому Дню Победы.

ВЕЛИКИЙ

ДЕНЬ —

ПОБЕДА!

СССР

ЧТО ВЫ ДЕЛАЕТЕ, КОГДА НИЧЕГО НЕ ДЕЛАЕТЕ?

АНКЕТА „РОВЕСНИКА"

Васил Минков-Сираков, Болгария, техник - наладчик электронного оборудования

У меня такого не бывает. Все время находится какое-нибудь дело. Вообще я не стал бы выделять золотой багетовой рамкой ту часть дня, что зовется ленивым словом «досуг». Есть у нас дела и поважнее, и поинтереснее. Из этого я и исхожу, планируя свое время.

Если это выходной, то главным делом может стать встреча с друзьями, поездка в горы, посещение театра, чтение свежего номера журнала по электронике, на худой конец, даже починка электроутюга.

Если речь идет о свободном времени в будни, то скорее всего я предпочту повозиться с какой-нибудь новой для меня технической проблемой, тем более что наш завод сейчас работает над внедрением в производство нового лицензионного оборудования. Бывает, что не только про досуг, но и про то, какая была с утра погода, забудешь... Хотя, как бы я ни был увлечен работой, ни за что не желал бы уподобиться молодым старичкам, которые отказывают себе во всех радостях жизни. Недавно у нас была введена пятидневная рабочая неделя, так что времени должно хватать на все.

Булган Осорбазар, Монголия, студентка Государственного училища эстрадного искусства

Мне впервые приходится участвовать в такой анкете. Чуточку боязно. Будто просят без подготовки произнести речь с трибуны. Но интересно, что скажут другие.

Сама я отдыхаю довольно однообразно, лучшие часы для меня — в работе. В субботу и в воскресенье встаю поздно, позволяю себе понежиться в постели... За неделю накапливается усталость, ведь мы сейчас с подружкой Тангулак репетируем сложный воздушный номер. Пришло время специализироваться, а мы учимся на воздушных гимнастов. Для меня это значит: прощайте милые пустячки — жонглирование, фокусы (на занятиях первого курса), танцульки, свидания (и они все в прошлом). Каждый день, включая субботу и воскресенье, тренируемся.

В будни освобождаюсь после четырех. Времени остается как будто немало. Но только еще чуточку поработаешь самостоятельно, потом еще немножко после ужина, вот и спать пора. Закроешь глаза, и опять в памяти крутится твой номер...

Почему я все время занимаюсь? Ну, во-первых, не «все время», удается все-таки и музыку послушать, и письмо написать, и выйти погулять. Но ведь цирк многого от нас требует и ревниво относится к нашему свободному времени.

Вячеслав Шалевич, СССР, актер Театра имени Евгения Вахтангова, Москва

Вы это всерьез? Честно говоря, я не помню, чтобы у меня была такая возможность. Хотя... в детстве, в институте — да, была, и я мог полностью отключиться от дела, позволить себе приостановиться. Сейчас не то, хотя, думаю, мне этого иногда не хватает...

Обязательно хожу на собачьи выставки. Собаки, которым неизвестно за что дают медали, немало расскажут о своих хозяевах... Пока еду в театр, люблю (каюсь, грешен) разглядывать пассажиров. Главному режиссеру невдомек, где я подцепил ту или иную деталь, например как шарф надет или кепка, но он, уверен, согласится, что автобусный салон — это тоже актерская лаборатория.

Досуга в «чистом» виде, то есть ничегонеделанья, я не признаю. Я не стану сейчас давать оценку моим и моего соавтора, актера Михаила Воронцова, опытам по части драматургии, но занимаемся мы ими на досуге. И в комиссии по работе с молодыми актерами ВТО также работаю на досуге. А телевидение, кино? Существует масса организаций, которые имеют виды на твой досуг. Недавно был такой случай, когда и в Риге, и на «Мосфильме» киносъемки были назначены почти на одно и то же ночное время. Слетал на Ту и тут же вернулся.

Иногда в компании мы договариваемся не говорить о работе. Но как удержаться от этого, когда работа, как говорится, «в печенки въелась». В голове свербит: завтра репетиция, а текст не готов, а решение роли не найдено...

Меня успокаивает то обстоятельство, что так вот, без «чистого» досуга, живут и жили многие актеры, в том числе и знаменитые, к уровню которых будешь тянуться всю жизнь. Как Михаил Ульянов, как Василий Шукшин.

Мори Кадзуаки, Япония, заместитель начальника студенческого общежития

Кажется, я понял, что вас интересует. Мое свободное время.

Работаю я немало, по восемь часов ежедневно, кроме воскресенья. Приходится решать множество вопросов административного характера, размещения, питания, санитарного состояния. Следить за порядком. А это непросто в переполненном общежитии.

Впрочем, устаю я не столько от объема работы, сколько от самой рутины повседневных дел. Но вот я дома, и делать мне вроде бы нечего. Знаете, что я делаю? Я разрисовываю стены своей комнаты цветными миниатюрами в стиле древней живописи. Каждый день понемножку. Родственники говорят — красиво...

С людьми я схожусь нелегко, но с выпускниками нашей школы мы регулярно встречаемся.

Хоть я и сетую на недостаток свободного времени, но я понимаю — его всегда будет не хватать. Можно только в мечтах предполагать какой-то идеальный вариант досуга. В то же время я постоянно наблюдаю за тем, как отдыхают студенты нашего общежития, и должен сказать, что времени у них также очень мало. И у них те же постоянные заботы о еде, одежде, собственном престиже, что и у всех нас, а в свободные часы чаще всего — безделье...

Имей я деньги и время, я бы с удовольствием прошел пешком вокруг земного шара. Тогда бы, мне кажется, я отдохнул бы от моей работы на десять лет вперед.

Михаил Меркурьев, помощник машиниста Московского метрополитена

Сейчас, например, читаю; за этим вы меня и застали, потому что, как у нас говорят, «сижу в резерве». А читать, между прочим, надо с понятием. Во-первых, книгу достать поинтереснее, чтобы в сон не клонило. Во-вторых, как заболят глаза, делай перерыв. Водитель метро, знаете, как напрягает зрение? Недаром у нас работает профилакторий.

А вообще меня всегда тянет куда-то на открытый простор, где много света и воздуха. Профком, учитывая условия работы и заявки сотрудников, постоянно нас вывозит на природу. На рыбалку, за грибами, в поход на лыжах, на экскурсию. А что может быть лучше загородного отдыха после напряженной смены? Коллектив нашей Рижско-Калужской линии дружный, я работаю в бригаде коммунистического труда, работа интересная, перспективная, хоть и имеет свою особую специфику, о которой я уже сказал.

Какой досуг люблю более всего? Конечно же, в компании дочки Леночки — хожу с ней в парк и фотографирую ее.

Кристина Вайс, ГДР, студентка Гумбольдтского университета, г. Берлин

Любопытный вопрос, тем более что я отвечаю за организацию досуга в комитете СЕПГ нашего университета и, наверное, больше интересуюсь отдыхом других, чем своим собственным.

В университете мы регулярно устраиваем вечера дружбы с народами зарубежных стран, различные дискуссии, просмотры, работает лекторий. Приходилось мне заниматься организацией досуга и в сложной обстановке студенческого строительного отряда, там главными были агитационно-массовые мероприятия: летучки, митинги, выпуск ежедневных «молний».

В общем, забот у меня многовато, и в обычные дни, чтобы снять усталость, я чаще всего иду в дискотеку.

Дискотека — это вроде танцевального кафе, где вместо оркестра — пульт звуковоспроизведения. Входная плата небольшая. Диск-жокеи, как правило, чередуются. Это наши студенты, которых я сама же и подбираю для такой работы из числа энтузиастов-меломанов. Через микрофон они представляют исполнителя, например, Пита Сигера, Джоан Баэз или, скажем, из нашей профессиональной группы «Пудис». Диск-жокей постоянно реагирует на то, как зал принимает ту или другую вещь, иногда повторяет ее.

Часто меня спрашивают, как это получилось, что дискотека у нас в университете вытеснила выступления ансамблей. Тут трудно дать однозначный ответ, но я оцениваю сейчас эту замену с точки зрения организационной таким образом: хороший оркестр заказывать на каждый день дорого, вкусы же людей выросли, халтуру слушать уже никто не хочет, вот и явились на свет эти музыкальные клубы.

Бобби Халл, Канада, хоккеист

На хоккейном поле, во время матча, как вы понимаете, такого не бывает. Такой вопрос скорее можно обратить к тем, кто попадает на скамейку штрафников.

Если говорить серьезно, то хоккей отнимает почти все время. Примерно полгода продолжается сезон, и за это время у меня почти не бывает такого дня, когда бы я не покидал своего дома или не входил в его двери с хоккейной экипировкой. В остальное время также приходится много тренироваться, чтобы быть вровень с другими. Кроме того, у меня ферма, а она, поверьте, мало похожа на место, где проводят досуг.

Если свободное время и выпадает, я провожу его в семье, занимаюсь воспитанием детей, хочу, чтобы в жизни им сопутствовала удача. Люблю музыку, классическую и легкую, только спокойную, напевную. Читаю и хожу в кино мало, но очень ценю разговор с дельным человеком, от которого могу узнать что-нибудь полезное.

Томас Шифнер, ФРГ, гимназист, г. Ханау

Всяко бывает. В основном это зависит от настроения. Если плохое, смотрю телевизор, слушаю музыку по радио, читаю. Это значит — накануне в гимназии были напряженные занятия, а может, я попросту ленюсь или устал на работе. Я ведь подрабатываю в редакции спортивной газеты. Работа всякая, но в основном принеси-отнеси...

Если настроение хорошее, то мы частенько сговариваемся с другом и едем во Франкфурт-на-Майне, идем там в кафе, на велодром или музыкальное ревю. О театрах говорить не будем, это дорого. Мы выбираем что-нибудь попроще — где громкая музыка, где тебя никто не знает и ты никого. Знакомимся с ребятами, с девушками. В общем, самое интересное, как я понимаю, это быть с твоими сверстниками...

Да, вот еще. У нас в Ханау есть Дом молодежи. Его построили недавно, специально, чтобы молодежь ходила туда отдыхать. Но распорядок их работы составлен так, что там мухи от скуки дохнут. Сплошное хобби: марки или монеты какие-нибудь перебирать, учиться водить мотоцикл. Все это само по себе интересно, а как постоянный досуг однообразно. Наверное, всего интересного в мире не изучишь, а чем-то отдельным заниматься все время скучно.

Рая Дегенкапм, Голландия, студентка университета, г. Амстердам

А вы знаете, у меня и в самом деле случаются такие минуты ничегонеделанья. То есть я как будто занята делом, но голова отдыхает. В такие часы я иду в гости, встречаюсь с друзьями или меня охватывает зуд хождения по магазинам — книжным, модным... Иду, выпиваю чашечку кофе, иду дальше.

Только я бы обиделась, если бы кто-то сравнил меня со стрекозой Лафонтена. Отдыхаю-то я все-таки после дел праведных. В университете я изучаю психологию. Нас обучают оказывать помощь людям, у которых возникли какие-либо трения, устранять затруднения между педагогом и учеником, понимать природу конфликта отцов и детей, особенно в «трудных семьях». В общем, из нас готовят психологов-консультантов.

Интересуюсь я и политикой, хотя не больше, чем средняя домашняя хозяйка нашей страны. Но поскольку психология изучает и отношения между людьми, то общественные проблемы мне интересны. Этих проблем много: перенаселенность городов, разорение крестьянства, безработица. Ведь очень важно изучить истоки зла, которое мешает людям радоваться жизни.

Моя специальность требует знания человеческой натуры, и я часто бываю там, где народ, где разговоры, где интересно. Очень люблю встречаться с интересными, знающими людьми. И думаю, что досуг у меня проходит не без пользы.

Анкету провел В. ДУБИНСКИЙ

СКАЖИ МНЕ, КАК ТЫ ПРОВОДИШЬ СВОЕ ВРЕМЯ, И...

Итак, как вы видите из анкеты, способов проведения досуга очень много. Перефразируя поговорку — сколько голов, столько и умов, можно наверное сказать, что сколько голов, столько и вариантов проведения свободного времени. И каждый, естественно, считает свой вариант чуть ли не единственно возможным. Еще бы, ведь он уже отдал ему предпочтение. И выходит, что все мы в некотором роде специалисты по свободному времени.

Однако есть люди, занимающиеся в том числе и этой проблемой действительно профессионально. Мы попросили прокомментировать нашу анкету старшего научного сотрудника отдела социологических исследований Института культуры Антанаса Петровича Ионкуса. Первый вопрос был таким:

— Не кажется ли вам наша анкета несколько легкомысленной?

— Нисколько. Можно даже найти высказывания великих людей о том, что если человечество что-то и сотворило значительное, то сотворило, именно играя. Если, конечно, понимать игру в самом широком ее смысле.

— Ответы вам кажутся любопытными?

— Несомненно. Мне думается, что если рассматривать деятельность человека во всем ее объеме, то общепринятый взгляд на свободное время сразу же представляется односторонним. По-видимому, нельзя резко разделять наше время на свободное и занятое. Это во-первых. А во-вторых, сам подход к делу тех, кто отвечает, кажется мне не менее продуктивным, чем подсчеты бюджета, экономические выкладки, какие обычно делают при изучении свободного времени, — такие подсчеты — не исследование культуры, а экономические исследования, это, собственно, и есть экономическая сторона проблемы. Но ведь важны и размышления над тем, какой же смысл заложен в свободном времени, важно, что человек о нем думает и как себя видит. Желает человек или не желает, но он выявляет себя в собственной деятельности, а это уже связано с культурой. Ведь именно ему приходится решать, заниматься ли добровольно изучением «истоков зла, которое мешает людям радоваться жизни», как это делает Рая Дегенкамп, или, к примеру, «заниматься фермой», как это делает Бобби Халл. Согласитесь, что если Томас Шифнер в свое свободное время «в основном» зависит «от настроения», то это говорит о многом, в том числе и о его так называемом «несвободном» времени, о жизни его, если хотите... Я исхожу из того, что согласно многим теориям суть и цель человека — реализовать себя, выявить свои сущностные силы. И это в любой сфере: в сфере ли досуга, межчеловеческих отношений или в сфере труда.

— Может быть, человек более открыто, откровенно, что ли, проявляет себя в свободном времени?

— Возможно. Впрочем, в голове-то у меня все время другой пример возникает.

— Какой же?

— Есть такая французская книжка — собрание высказываний знаменитых художников, писателей, журналистов. И как раз о свободном времени. Так вот, там есть признание одного из писателей. Не очень, прямо скажем, оригинальное, оно мелькает и в ваших анкетах, но суть его такова: этот писатель говорит, что для него нет понятия свободного времени, он творит всегда, и, может быть, самые лучшие идеи, по его словам, пришли к нему за столиком в кафе.

— Но это люди так называемых творческих профессий — художники, писатели...

— Извините за банальность, но почти всякая профессия может стать творческой, дело в подходе.

— А кстати, не лукавят ли вольно или невольно наши интервьюируемые? Не кажется вам, что они скорее скажут, что у них вообще нет свободного времени, чем признаются в неумении употреблять его? Не скрывают ли они, что иногда задумываются, как употребить его; не мучаются ли они порой над «проблемой» — как бы убить вечерок?

— Думаю, скрывают. И даже интересно скрывают, забавно. Посмотрите на Мори Кадзуки, японца. Он «сетует на недостаток свободного времени», понимает, что «его всегда будет не хватать», но когда смотрит на других — на своих товарищей, то видит иное: видит, что у них «в свободные часы чаще всего — безделье». Это уж, как говорится, в чужом глазу...

— Почему же они не говорят об этом? Что это, боязнь показаться неразмышляющим человеком?

— Конечно. Хотя вообще в подобной скрытности есть и социальная сторона дела. Бывает, что у человека появляется явное нежелание показываться на улице, вообще на людях, он боится, что его там, скажем, могут обидеть, поставят в неловкое положение; тогда-то и появляется замкнутость. Такие люди довольно часто обращаются к домашней, камерной деятельности, занимаются всякими «чудачествами» — например, «разрисовывают стены своей комнаты цветными миниатюрами в стиле древней живописи» или занимают позицию стороннего наблюдателя — ходят, к примеру, на собачьи выставки. Впрочем, Шалевич-то явно с иронией относится к своему хобби. Заметьте: «собаки, которым неизвестно, за что дают медали». Да и вообще нельзя быть против самого занятия; вот когда оно носит социальный характер, если оно становится бегством от реальности, тогда плохо дело. Заметьте одну фразу из Томаса Шифнера, того самого гимназиста из Ханау. Вот он с друзьями идет туда, «где громкая музыка». И он говорит дальше: туда, «где тебя никто не знает и ты никого». Не делаю глубоких выводов, достаточных оснований нет, но мне приходит на память другой пример. Я читал о категории «чудаков» во Франции. Это даже не киноманы, нечто другое. Они приходят в кинотеатр, садятся непременно на первые ряды, но обязательно сбоку, — «меня никто не знает, и я никого», — и так просиживают целые дни. Кинофильмы эти они смотрели десятки, может, сотни раз, да это и неважно. Выходят они, лишь когда все кончится, как уходит пьяница, тоже только когда все кончится. Они и выходят, как пьяные, и так же неохотно. Им не хочется возвращаться в реальность, настоящая-то жизнь для них — экранная...

— А если нет свободы выбора? Тот же гимназист из Ханау говорит, что «о театрах говорить не будем, это дорого».

— Тогда деятельность в сфере свободного времени вообще теряет всякий смысл. Впрочем, остаются фильмы, книги... Не густо, но все же. Книги особенно можно выбирать. Да и то, если, скажем, индивид ведет себя конформистски, то он берет какую-то книгу только потому, что все о ней говорят или книга эта считается сейчас самой лучшей. Личность же развитая, стремящаяся, по крайней мере, к какому-то самосовершенствованию, обладает сильным критерием выбора. И не частота, например, посещения театра является основным индексом, а то, имеет ли личность критерий выбора или нет. Избирательность — вот главное.

— Смотрите, как это зыбко... Так легко вывести, что можно обойтись и без широкой свободы выбора удовольствий — развитая личность даже и на необитаемом острове найдет себе применение?

— В какой-то мере, да.

— Так вы все-таки склоняетесь к тому, что человека надо изучать «в целом»?

— Да. Многие исследователи, например, предлагают исходить из более совершенной концепции: образ жизни, качество жизни. В основе этой теории лежит то, что у человека есть потребность выразить себя во всех сферах жизни, в том числе и в производственной. Есть такой известный польский ученый — Юзеф Хласинский, он очень красиво пишет как раз о сфере труда как сфере самоопределения личности. Если человек, пишет он, не смог проявить себя в сфере труда, попросту найти для себя подходящее занятие, то и вся личность, как он выражается, «заламывается».

— Значит, если человек не сделан в сфере труда, так он уже не сделан весь?

— Да. Вот и получается, что есть фальшивая постановка вопроса: сфера труда, мол, сфера принуждения, а досуг — как бы сфера свободная, как бы пространство для развития личности. Человек, выходит, начинается после работы?..

Формула Маркса — «время есть пространство человеческого развития» — самым естественным образом включает и рабочее и свободное время. Для человека оно неразрывно, если труд ему по душе, если он развивает в нем душу и ум. Не случайно западные социологи абсолютизируют разницу в функции рабочего и нерабочего времени, считая, что труд всегда был, есть и будет подневолен. Он и есть таков в обществе капитализма. Речь, короче говоря, идет о социальных условиях, в которых формируется личность...

Записал Ю. ЛЕКСИН

КОММЕНТАРИЙ К АНКЕТЕ

ФЕНОМЕН СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ

и его отражение в кривом зеркале «массовой культуры»

Э. СОКОЛОВ,
кандидат философских наук

Коллаж Г. Комарова

Объяснять и предсказывать поведение людей в рамках таких общественных категорий, как экономика, семья, государство, социологи — плохо ли, хорошо ли — умеют давно. Иное дело так называемый феномен свободного времени.

Досуг постоянно рождает новые занятия, создает новые комбинации человеческих отношений, мыслей, чувств и подчас тут же их разрушает. Формы современного досуга в индустриально развитых странах являют собой чрезвычайно пеструю, сложную, переменчивую картину, осмыслению которой посвящается все больше научных работ и у нас, и за рубежом.

Интерес ученых к проблеме досуга объясняется ее возрастающим весом во всех сферах жизни общества — в экономике, политике, культуре, идеологии. Эту ситуацию и предвидел К. Маркс, когда писал, что **«мерой богатства будет отнюдь уже не рабочее время, а свободное время».** Он пояснял: «...настоящее богатство — такое время, которое не поглощается непосредственно производительным трудом, а остается свободным для удовольствий, для досуга, в результате чего откроется простор для свободной деятельности и развития».

Взаимосвязь роста благосостояния общества и количественного роста свободного времени очевидна. Чем выше уровень развития производительных сил, чем совершеннее техника, транспорт, средства связи, тем меньше человеческого времени поглощает производство. Следовательно, о развитости, богатстве общества можно судить и по величине высвобождающегося от труда времени. Но попробуем разобраться, отчего само время, «свободное для удовольствий, для досуга», является, по Марксу, **«настоящим богатством общества».** Ведь досуг в принципе предназначен не для создания материальных ценностей, а как раз напротив — в основном в это время происходит их потребление. Таким образом, речь должна идти о чем-то ином, о качественной стороне досуга. И вот тут-то проявляется глубокая, хотя на первый взгляд и незаметная, связь между тем, что мы имеем привычку считать нашим сугубо **личным** делом, нашим личным внерабочим временем, и интересами всего **общества.**

Каждый из нас дорожит своим свободным временем. Но как различна его ценность для разных людей. Один время просто «убивает», расходует его на что придется, бездумно, бесцельно. Другой... Для другого время — бесценная возможность совершенствования, развития. Безразлично ли обществу, чем заняты люди, предоставленные самим себе? «Свободное время — это не время, свободное от ответственности перед обществом» — такова наша точка зрения на досуг, сформулированная товарищем Л. И. Брежневым на XV съезде профсоюзов СССР. Поскольку высшие цели социалистического уклада жизни состоят в том, чтобы раскрепостить человеческий дух, дать возможность человеку раскрыть свои природные задатки и таланты, освоить богатства мировой культуры, — досуг в социалистическом обществе тем ценнее, чем больше его содержание соответствует этим целям.

Аристократы прошлых веков посиживали за книгой, обожали выезды в театр, многие музицировали сами. Но эти прекрасные сами по себе занятия в конечном счете для большинства из них были лишь способом заполнять хоть чем-нибудь зияющую дыру в суточном бюджете времени. «Культурный» досуг с набором обязательных знаний, навыков (в отличие от «простонародного» — церковные праздники, свадьбы, обрядовые гулянья) был для дворян образом жизни и своего рода патентом на привилегированное положение в обществе. Выработался и соответственный эталон à la культурный человек. Помните иронические строки Пушкина:

Он по-французски совершенно
Мог изъясняться и писал;
Легко мазурку танцевал
И кланялся непринужденно;
Чего ж вам больше? Свет решил,
Что он умен и очень мил.

При всем показном блеске и утонченности светское времяпрепровождение не могло излечить дворянство от внутренней опустошенности вырождающегося класса.

Однако... Однако и в те стародавние времена досуг иных «чудаков» был насыщен высоким смыслом, а потому не только обогащал человека, но и принес

человечеству замечательные плоды. Из увлечений, или, как сейчас принято говорить, хобби, алхимиков родилась могучая отрасль человеческих знаний — химическая наука. Праотцами сегодняшней авиации и космонавтики были дерзкие еретики и фанатики, казалось бы, несбыточной мечты о человеке-птице. И таких примеров не счесть...

Капиталистический строй в пору своей молодости противопоставил ленивой праздности аристократии свою, «трудовую», мораль. Чем, спрашивается, плохи догмы протестантской религии, проповедовавшей трудолюбие и осуждавшей безделье?! Своим ханжеством — ведь эти догмы внушались церковью и буржуазией рабочим, подвергавшимся на мануфактурах беспощадной эксплуатации. Рабочий день, длившийся 14—16 часов в сутки, оставлял время только на удовлетворение самых необходимых физиологических потребностей — на сон и еду. Неудивительно, что мораль господствующего класса стремилась заглушить самое понятие о досуге как времени, необходимом человеку для саморазвития, для духовного и культурного роста. Склонность к «вредному» чтению и «ненужному» философствованию, музыка, игры, даже любовь и просто отдых и веселье — все человеческое в человеке сурово порицалось протестантами-кальвинистами.

Конечно, эта суровая и бездушная школа труда, через которую прошли многие европейские народы, принесла и свои объективно положительные плоды — прежде всего дисциплину труда, умение напряженно трудиться и даже такую небесполезную вещь, как часы: как утверждают некоторые историки, именно фанатическому упорству кальвинистов и их умению ценить время Европа была обязана широким распространением часов, и не случайно как раз Женева — резиденция основателя протестантизма Жана Кальвина — стала первым центром их производства. И все же главное, что должны мы помнить, — это то, что часы тех времен показывали часы жестокого, подневольного, без продыха, труда и лишь жалкие минуты отдыха измученных и невеселых людей.

И все же феномен свободного времени постепенно менялся, претерпевая эволюцию параллельно промышленному и техническому развитию капиталистического общества. Сама логика расширенного воспроизводства требовала раздвинуть границы свободного времени для рабочих: во-первых, чтобы они могли повышать свою грамотность (иначе с новой техникой не управиться), во-вторых, чтобы отдохнуть не только от элементарной мускульной усталости, но и от тяжелой психической нагрузки после дня монотонного, однообразного труда. Пролетариат, конечно, не стал дожидаться, пока правящий класс усвоит эту объективную истину. Уже в 1847 году английские рабочие добились билля о 10-часовом рабочем дне, а к концу XIX века рабочий день в большинстве европейских стран был законодательно ограничен 10—11 часами.

И тут со всей остротой встал вопрос: что делать с миллионами высвободившихся человеко-часов, куда и как направить лавину новой энергии? Перспектива демократизации досуга пугала правящие классы. Школы и клубы для рабочих рассматривались как потенциальные взрывчатые центры будущих выступлений против «порядка». Открыть массам доступ к культуре значило бы пробудить в них желание жить лучше, свободнее. Так возник новый источник социального антагонизма...

В сущности, эти же опасения лежат в основе и современного буржуазного подхода к проблеме организации массового досуга трудящихся. С ростом производства новейшим социальным «громоотводом» стал **культ вещи**. Свободное время дано человеку для того, чтобы приобретать вещь, использовать ее, наслаждаться ею — к этому сводится сейчас западная философия досуга. По мнению западногерманского социолога В. Диркса, досуг ныне загнан в следующие рамки: «потреблять, покупать, владеть, лентяйничать, играть в футбол или шахматы, или путешествовать, превращать свой огород в маленький рай, или строить собственный домик, или, если брать еще дальше, читать и музицировать, производить себе подобных да любить». Трудно что-либо возразить против большинства из этих занятий в отдельности. Но выберете из этого набора те действия, которые связаны с приобретением, и вы получите портрет типичного обывателя.

Мы прекрасно понимаем, что материальные блага — фундамент культуры, ее, так сказать, «нижний этаж». Без развитого производства, без достаточного питания, без добротных жилищ и прочих удобств невозможно развивать духовную культуру и сколько-нибудь долго сохранять ее. И мы отвергаем нелепые утверждения пекинских догматиков о том, будто советский народ, создавая материальный комфорт, отдает дань буржуазной культуре. Попытки строить культуру на основе нищеты обречены на провал. Бесчеловечный аскетизм, умерщвление плоти — все это чуждо нашему представлению о счастье людей.

Но, с другой стороны, ведь не хлебом единым сыт человек. Сент-Экзюпери однажды написал:

«Есть в Европе двести миллионов человек, чье существование лишено смысла... Население рабочих поселков хочет, чтобы его пробудили. Есть и другие — люди, погрязшие в рутине различных профессий, люди, которым недоступны радости первооткрывателя — поднимателя целины, радости веры, радости ученого. Кое-кому думалось, что достаточно одеть их, накормить, удовлетворить все их насущные потребности, чтобы возвысить их душу. И вот мало-помалу из них создали мещан...

Меня мучает то̀, что не может излечить даровая похлебка для бедняков... Меня мучает, что в каждом человеке, быть может, убит Моцарт...»

Давайте посмотрим, а что, собственно, мучает тех, кто занят организацией свободного времени на Западе, что они предлагают человеку, вышедшему из проходной, и с каким «клиентом» предпочитают иметь дело.

Собственно свободное время (за вычетом тех часов, которые уходят на сон, прием пищи, хлопоты по дому, поездки на работу и обратно и т. д.) составляет, по расчетам западных социологов, в среднем 25—30 часов в неделю на одного работающего. Примерно половина этого досуга приходится на уик-энд. Французский рабочий, по данным Ж. Дюмазье, имеет ежегодно в среднем 2200 часов рабочего и 1500 часов свободного времени. В США, согласно американским источникам, количество свободного времени на 200—300 часов больше.

Насколько же свободно и продуктивно используется это время? И насколько продуктивным оказывается обращение «среднего» человека Запада к тем формам проведения досуга, которые нельзя связать с приобретательством, потреблением?

Человек полагает, что хозяин своего досуга он и только он, и, выбирая себе то или иное занятие или развлечение, считает, что это только его фантазия, его вкусы, интересы, привычки диктуют выбор. Он редко отдает себе отчет в том, что он уже давно попался в капкан, поставленный индустрией досуга, что это она подогнала его индивидуальность под один из стереотипов «массовой культуры». Этих стереотипов много. Возьмем, к примеру, стереотипы телевидения: один — для человека, отстоявшего семь часов у конвейера и теперь жаждущего одновременно и покоя и встряски (к его услугам вестерны или эротические фильмы), другой — для юноши, ищущего острых приключений и ощущений (помогут детективы или комиксы), третий — для сентиментальной домохозяйки (слезливые романы или бесконечные «семейные хроники»), четвертый — для хандрящего «интеллигента» (что-нибудь вроде театра абсурда) и т. д. и т. п. Но суть в том, что все эти стандартизированные стереотипы проведения досуга — всего лишь бег по замкнутому кругу, очередная тренировка отработанных условных рефлексов.

Любопытно в этом смысле взглянуть на то, как индустрия досуга поступает с вещами и явлениями, новыми для ее поточной линии. Вот, например, в последнее время людей все больше стала одолевать тяга к перемене мест, к путешествию в «не развращенные цивилизацией» места — вполне естественная реакция на стандартное однообразие предлагаемых развлечений. Бизнес охотно берется за разработку этой новой золотоносной «жилы». И вот для туристов устраиваются походы в джунгли Амазонки на поиск индейского племени, которое сохранило «дикие нравы», или «грандиозное арктическое сафари» в Гренландии (трофей — медвежья шкура — гарантируется за особую плату). В Бразилии решают построить ультрасовременный отель с бассейном прямо в джунглях, американцы превращают в плавучие гостиницы закупленные в Англии знаменитые океанские лайнеры «Куин Мэри» и «Куин Элизабет», английские лендлорды на воскресенье превращаются в экскурсоводов по собственным за̀мкам.

Иными словами, экзотика довольно быстро превращается в модное, престижное (не каждому по карману), но все же стандартное (с обязательным набором удобств) времяпрепровождение. Ради нее, «экзотики» для пресытившегося буржуа, можно проложить водопровод в глубь безжизненной пустыни — для бассейна при каком-нибудь пластиково-стеклянном чуде-отеле. Смысла в таких забавах столько же, сколько в унитазе из чистого золота.

Так буржуа, в былые времена строгий пуританин-моралист, становится прожигателем жизни, каким раньше был презираемый им бездельник-аристократ. Интересная деталь: сегодня политические лидеры и руководители промышленности чувствуют себя обязанными отпускать на публике шутки и анек-

На стр. 11 ▶

ЧИТАТЬ ИЛИ НЕ ЧИТАТЬ?

или тропа, длиннее Аппалачской

С. ВИШНЕВСКАЯ

По уик-эндам вашингтонцы стремятся уехать за город. Мы с семьей облюбовали дорогу, ведущую к водопадам Грейт-Фоллс. Узкая, с частыми выбоинами, ничем не похожая на супершоссе, она тянется вдоль редкого лесочка, клочка давно не паханного поля, мимо заброшенной лавки с надписью «Кока-кола» на облупившейся крыше. Сиротливый домик в нехоженой траве — как монумент цивилизации, оставшейся позади. Там — суета сует...

Впереди, где шум водоската заглушает прочие звуки, «здоровые вибрации» раскованной реки помогают людям расслабиться, отвлечься, стать совсем другими. Бывает, доходит до сюрпризов. Видя, с каким азартом забрасывает наш маленький сын удочку и с каким огорчением каждый раз ее вынимает, рыбачивший неподалеку американец вдруг берет из своего улова рыбину и кладет на камень рядом с Ваней.

Случай, может, и не типичный, как и сама дорога к Грейт-Фоллс. Но к чести американцев нужно сказать, что и в своей обычной, замороченной жизни они стараются сохранить, по крайней мере, вежливость. Исходят из разумного эгоизма: «У каждого своя «коробочка». Давайте не портить друг другу кровь». Защитные реакции против стресса стали национальными чертами. «Бэби», «хани», «бадди» (крошка, лáпушка, приятель) могут говорить незнакомые люди. В ресторане официант приветствует семью: «Хай, фолкс!» — «Привет, ребятки!»

Чопорность, поза ушли с прошлым. Профессора гоняют мяч со студентами, священники выделывают рок с паствой, на моих глазах Эдвард Кеннеди с гиканьем катался с сыном на горке в вашингтонском «Монтроуз парк».

Американцы обожают шутку, сделали из нее культ. Если не посмеяться иногда над собой, иногда над жизнью, считают они, можно кончить тем, что заплачешь. Смеяться им помогают многочисленные сборники юмора на все случаи жизни, выходящие большими тиражами. Иному уравновешенному человеку может показаться, что смех этот идет не от веселья, а от чего-то другого, что его слишком много. Но для американцев, вероятно, в самый раз.

И все-таки порой стресс пробивает броню юмора. Американцы стараются не портить друг другу кровь, а сами ее пускают. Насилие, пронизавшее все поры тамошнего образа жизни, теснит юмор. В последнее время в Штатах поднялась волна самоубийств, особенно среди студентов. Сообщения уже никого не удивляют, но одному все же суждено было стать мрачной сенсацией. Флоридский телекомментатор, молодая женщина, воспользовалась своим временем на экране, чтобы разрядить в себя пистолет. Можно предположить, что у нее была тайна. Но, говорится в полосном газетном материале, тайны не было. Ни несчастной любви, ни рака. Человек уходит из жизни на ровном месте. Значит, дело в **качестве** самой жизни...

Буржуазные социологи в объемистых, великолепно изданных исследованиях говорят, что стресс в Америке вызван беспрецедентным технологическим бумом минувших десятилетий. Последний не может-де быть в гармонических отношениях с более консервативной биологической природой человека. Поэтому современный человек находится в состоянии шока. Для шока придумано специальное название — футурошок. Если встать на эту точку зрения, то будущее у человечества и впрямь невеселенькое... Разве что «футурокома»... [1]

Нажимать на стоп-кран прогресса авторы, однако, не призывают. Их усилия направлены к другому: отождествить научно-техническую революцию, категорию социально инертную, одинаково удаленную от добра и зла, с современным американским капитализмом, навязать прогрессу все пороки и издержки общества. Поэтому, поскольку прогресс неотвратим, «футурошокированный американец, как они считают, должен искать спасения не в социальных переменах, а в отдыхе, релаксации, развлечениях.

[1] *Кома — глубокий обморок, бессознательное состояние.*

Вернемся к природе. Среди американцев 6 миллионов горнолыжников, 90 миллионов ежегодно посещают зоопарки, культурно-просветительные центры, очень многие совершают паломничество в национальные парки. Много альпинистов, водных слаломистов, молодежь увлекается серфингом, много народу в бассейнах, кегельбанах, на теннисных кортах, на катках. Но всем ли доступен полноценный активный отдых?

Наши ребята, наигравшись в образцовом центре отдыха и движимые, вероятно, чувством первооткрывательства, сбежали. Мы нашли их на глухой потомакской протоке. Они были не одни. За соседним кустом были люди. Семья. Худосочность их никак нельзя было принять за результат сбалансированной диеты и обтрепанную одежду счесть данью хиппизму. Мальчик и двое взрослых, бледные, как подвальные ростки без хлорофилла, смотрели на нас смущенно и виновато, будто бы их застали за кражей или подглядыванием в щелку. Их застали за... бедностью! По американским понятиям быть бедным — тяжкое преступление. White trash — «белые помои» — называют американцы своих бедняков.

Прошли уже за океаном те времена, когда природа была одинаково добра ко всем. Ныне зеленые просторы стóят зеленых долларовых бумажек. Гетто — черные и белые — отрезаны от зеленого мира скоростными бешеными шоссе, где несутся добротные, хорошо смазанные машины. Спортивные развлечения, прокат стоят дорого и бедным семьям недоступны. Поэтому в своих туристских прогулках по Америке вы встречаете только «ликующих, праздно болтающих». Общество потребления, где «живет» только тот, кто покупает, и где покупать нужно глоток чистого воздуха и клочок зеленой травы, превращает своих бедняков в изгоев, которым место в гетто или... на глухих протоках Потомака. Во всем мире народные сказки изображают бедняков находчивыми, смелыми, одерживающими верх над кичливыми богачами. И только в США таких сказок нет. А книги внушают унизительную мысль, что бедность — результат не социальной несправедливо-

сти (боже упаси!), а личной неполноценности.

...Есть в восточных штатах туристская тропа длиной в 3300 миль. Она тянется по лесам и заповедникам, путника здесь поджидают покой да редкие сторожки. Зовется тропа Аппалачской. Наверное, там приятно бродить, наверное, там можно первоклассно отдохнуть. Но нас интересует релаксация в ее наиболее массовых формах, поэтому мы сойдем с лесной тропы, с ее тишиной, енотами, гризли, совами, оленями, оставим американскую природу тем американцам, которые по своему экономическому статусу могут ею наслаждаться, и ступим на другую тропу, длиннее Аппалачской. Она не минует ни одного города, ни селения, ни дома. Здесь очень шумно и очень многолюдно. Это тропа массового досуга. Посмотрим, может, ему в наше время выпала высокая честь быть «великим уравнителем» в американском обществе...

Всемогущее коммерческое TV, которое можно считать воплощением поп-культуры, предлагает леди и джентльменам передачи: информационные, спортивные и развлекательные. Самое большое место отводится развлечениям. Попробуем развлечься вместе с американской семьей (она это делает по 5 часов в день)...

Нас приглашают участвовать в телелотерее. В течение часа мы будем любоваться, как растроганные избранники фортуны со слезами на глазах обнимают выигранные телевизоры, холодильники, платья, машины. Иному, видно по лицу, больше хотелось бы обниматься, скажем, с машиной, чем с выигранным посудным набором. Но все равно, он и посуду обнимает. Передаче удается вызвать, казалось бы, несоединимые эмоции — жадность, нездоровый азарт и... тоску.

Теперь нас приглашают повеселиться. С говорящей лошадью («Мистер Эд шоу»). Веселье в том, что лошадь движет губами, и актер удачно «дублирует» лошадиный язык на английский. С очаровательной Люси Болл («Люси Болл шоу»), где шаловливая женушка импозантного мужа банально проказничает. Иногда смешно.

К этому времени из школ возвращаются дети, и экран начинает работать на них. «Мультики», где, как правило, талантливо нарисованные герои как следует наподдают друг другу, сменяются короткими комедиями, где уже клоуны как следует наподдают друг другу. И внушительный финал детских передач — ковбойские фильмы (так сказать, монументальный TV-жанр), где люди в «стетсонах» с загнутыми полями, на лошадях уже совсем как следует наподдают друг другу.

Вечером можно посмотреть бытовую комедию (через несколько лет она перекочевывает в утренние передачи) и эстраду. Редкие концерты, вроде «Энди Уильямс шоу», по-настоящему хороши.

Хотя многие американцы предпочли бы чаще видеть на экранах документальные передачи, делающиеся часто с блеском, или серьезные дискуссии, но именно **развлекательным** передачам отводится основное время, именно там заняты наиболее талантливые и высокооплачиваемые работники.

Почему? Это тот случай, когда под легкомысленной внешностью скрывается очень серьезное содержание. Развлекая, легче воздействовать на сознание массового зрителя, который научился отмахиваться от пропаганды в ее чистом виде. Развлекая, эти передачи убеждают, что мерилом человеческого счастья является успех. Причем успех личный, который сводится к деньгам и сексу. Такого успеха добиваются в одиночку, без каких-либо массовых действий, и наслаждаются им в одиночку. Развлекая, эти передачи заставляют поверить в то, что отсутствие успеха у мистера Джонса, например, означает отсутствие у него необходимых личных качеств. Все очень просто. Бедность, безработица, трудности с образованием, отчуждение в семье и между людьми — во всем этом нужно винить не общество, основанное на несправедливости, а самого себя, поэтому лучше помалкивай и смотри развлекательные передачи. Поразительно много американцев так и делают.

Естественно, культ успеха ведет к культу насилия. Наподдать другим как следует (кулаками, пистолетом, ножом) — вполне приличный путь к успеху. Как же великолепен Курт Воннегут, когда среди этой вакханалии вседозволенности просто сказал, что истинный герой — не тот, кто идет к своей цели по трупам, а тот, кто никого не бьет и не избивает! Но это уже не массовая культура, а большая литература, тема для совсем другого разговора...

Детектив — вот наиболее читаемый жанр в Америке. Романы тайн и сенсационные романы одинаково любимы и читателями и издателями. Последним они приносят огромные прибыли, а первым — отдых, релаксацию. Детективы издаются дешевыми массовыми тиражами и продаются повсюду, даже в ночных лавках, рядом с франкфуртскими сосисками, как, например, в Вашингтоне на Пи-стрит.

Некоторые психиатры говорят, что чтение детективов, как и комиксов, вызывает у читателей катарсис, то есть нервную разрядку. Вместе с героем они участвуют в погонях, убивают и т. д. Но многие серьезные исследователи убеждены: бескровное книжное соучастие очень легко перерастает в насилие, когда начитавшийся начинает в реальной жизни куролесить по законам детективного жанра. Законы эти просты: мой бизнес — убийство, кредо героев книг Чандлера. Я — суд присяжных, заявляет герой книг Спиллейна. Он убивает свою избранницу. «Как ты мог это сделать?» — спрашивает она в предсмертной агонии. «О, это легко», — получает ответ.

Детектив, как и другие виды поп-культуры, «экспроприирует личное мироощущение», — читаем мы в книге Роберта Миллса «Белый воротничок». — Его действие призвано смягчить психологическое давление экономического неравенства, которое в противном случае может найти выход в политических действиях...»

По мнению американских критиков, почти все детективы написаны на «сублитературном уровне». Гвоздем книги становится оригинальность... в способе убиения. Так, в одном это пистолет, таким образом вмонтированный в пианино, что стреляет, если нажать ногой на педаль. В другом — человек гибнет от вибрации большого колокола. Подобное чтиво, по мнению Чарльза Роулоду, «интеллектуально не удовлетворяет, а эстетически не услаждает».

Но с современного американца детектив, по-видимому, снимает часть стрессового напряжения и отрицательных эмоций: он отвлекает не только от серьезных проблем, но и от серости жизни. Открывая красочную книжечку карманного размера, американец начинает беспроигрышную игру. Если догадается — чувствует себя на высоте, если нет — наслаждается развязкой. Из-за кризиса романа подчас именно в детективном жанре можно найти «старое, доброе» повествование.

Открывая газету и мельком заглянув в новости и происшествия (все уже было по TV), средний американец разворачивает страницу с комиксами. Иногда, если газета вдруг перестает публиковать любимую серию, он может воспринять это как личную обиду и даже прекратить подписку.

Один из авторов верно заметил, что восприятие прекрасного всегда связано с **усилием**, поэтому было бы бессмысленно искать красоту в поп-культуре. Она рассчитана на непроизвольное заглатывание, она сама навязывается, сама овладевает вниманием. Ведет себя не как леди, а как дама полусвета. Это верно и по отношению к комиксам, рисованным картинкам, скадрированным в сюжетной последовательности.

У ребенка еще не успеют окрепнуть свои личные связи с действительностью, а комиксы уже навязывают стереотипы. Иногда это безобидные, сладенькие серии вроде «Маленькой сиротки Энн», иногда грубо-вульгарные, вроде «Супермена», «Бэтмена», иногда комиксы-ужасы. Например, игра в бейсбол, где мячом служит человеческая голова (!).

Механизм поп-культуры так запрограммирован правящей элитой, что улучшить и подчистить его нельзя. Можно только поломать...

Газеты и журналы — еще один экран между жизнью и сознанием американцев. Издали может показаться, что такие широкоизвестные газеты, как «Нью-Йорк таймс», «Лос-Анджелес таймс» и другие, претендующие на объективность, издающиеся самыми большими тиражами, и читаются в Америке больше других. Не тут-то было. Самая популярная американская газета — местные таблоиды, небольшие по формату, на 90 процентов состоящие из развлекательной информации. Их покупают, они приносят издателям внушительные барыши. На первой странице обычно крупное женское фото, по возможности с минимумом декоративной драпировки. Это или убийца, или жертва. Или жертва похищения. Другие страницы заполнены пикантными подробностями главного события, репортажами о катастрофах, псевдонаучными статьями о гипнозе, оккультных науках, детях с двумя головами и так далее. Крохотные политические сообщения кажутся на этом фоне тусклыми, способными заинтересовать разве что чудака. Это тоже тонкий расчет: так подать политику, чтобы она вызывала зевоту. Не активную реакцию, а именно зевоту.

Помимо газетного, в США есть журнальное море. «Сатердэй ивнинг пост», где печатались Скотт Фицджеральд, Фолкнер, другие лучшие писатели Америки, уже не выходит несколько лет — финансовые трудности. «Лайф», «Лук» — красочные, степенные пропагандисты американизма — скончались. Тоже финансовые трудности.

А вот у «Плэйбоя» финансовых трудностей нет. И у «Космополитэн», и у «Эсквайра». Первый — развлекательный (на все 100 процентов) журнал для богатых мужчин. Они катаются на яхтах (в обнимку с подругами), путешествуют по красивым местам (тоже в обнимку), сидят в полутемных фешенебельных ресторанах. Там появляются статьи, не лишенные литера-

турного блеска, о других настоящих мужчинах — модных знаменитостях. Безупречное — с формальной точки зрения — оформление тоже рассчитано на один эффект: деритесь (!) за свой (!) успех, и у вас будут яхты, рестораны, сногсшибательные подружки.

«Эсквайр» тоже мужской журнал. Его светский тон спокоен. Моды умеренны. Статьи на любые темы обстоятельны. Умеренностью веет от глянцевитых страниц. Его амплуа — внушить читателям, что истинный джентльмен, «эсквайр» — это положительный человек, которому чужды крайности и душевное смятение. Ему по душе статус-кво. Он давно нашел себя в умеренности, комфорте и благонадежности.

«Космополитэн» — очень популярный журнал для молодых, еще не устроенных женщин, которые работают. Их главная мечта, узнаем мы из каждого номера, — выйти замуж. Не просто, конечно, замуж, а обязательно за преуспевающего. Напичкан рецептами, порой изобретательными, как увлечь, удержать и утащить под венец Того, Кто Создан Для Вас.

Есть специальные журналы для тинэйджеров, домохозяек, модные журналы с текстом. Есть чтиво, свившее себе гнездо в лавках гетто. Даже после беглого знакомства чувствуешь себя измазанным какой-то мерзкой патокой. А ведь люди «приобщаются» к нему ежедневно. Поневоле подумаешь, что сопромат зазря не относит человеческую психику к сверхпрочным материалам. И всюду, во всех поп-изданиях одна пропагандистская дуда — отвлечь от реальности, навязать свое понимание счастья и достоинства, подтолкнуть читателей не к трезвой оценке действительности, а к жажде успеха для самого себя. Любой ценой.

Есть еще один журнал, который стоит особняком. На обложке изображен псих со сведенными в точку глазами, с блуждающей улыбкой идиота. Называется «Спятивший». Популярен среди молодых, потерявших представление о жизненных ценностях или еще не нашедших их. Громит поп-культуру с позиций чистого анархизма, доводя буржуазные ценности до логического завершения — абсурда. Иногда забавен.

Возникает вопрос. Если бы американцы объявили бойкот печатной стряпне, наверное, владельцы журналов, газет, телестанций были бы вынуждены многое изменить. Но массового бойкота быть не может. Обработка сознания (словосочетание-то какое страшное) начинается с самого раннего возраста. Отдельные люди могут возмущаться, но средний американец вырос на диете и зачастую просто не знает, что такое Настоящее Искусство. А оно у него рядом. В стране прекрасная литература, музыка, живопись. Только воспринимать прекрасное ему нечем — mass culture забила, атрофировала какие-то важные центры. И делает это с единственной целью: сохранить все как есть. Но разнузданная пропаганда дешевого наслаждения может увести людей дальше, чем того хотели бы дать дельцы от искусства. На вопрос «Кем ты хочешь быть?» ответил же мальчик, принявший, вероятно, «поп-дозу»: «Сексуальным маньяком!» Есть над чем призадуматься.

...Впрочем, не слишком ли долго оставались мы на нашей символической тропе? Не пора ли перевести дух и выйти на свежий воздух. Ну, хотя бы на Аппалачскую тропу с ее енотами, совами, гризли, оленями и так далее...

Со стр 8 ▼

доты. Дело в том, что образ удачливого дельца в плане социальной притягательности уступил место «героям досуга»: если в начале века 77 процентов журнальных биографий было посвящено бизнесменам и политическим деятелям, то спустя 40 лет уже 78 процентов публикаций рассказывали о жизни кинозвезд, спортсменов, владельцев ночных клубов и т. д.! Западные социологи называют это одним из проявлений так называемой «игровой морали», вытеснившей «трудовую мораль» прошлого. Например, Ж. Фридман так объясняет это явление: «Современное развитие промышленной техники ведет к такому положению, когда большинство людей способно утвердить свою личность только в деятельном досуге, а не в производительном труде». То есть в поисках личной свободы, самоутверждения и саморазвития человек стремится вырваться из сферы труда, которая в условиях частной собственности на средства производства предстает как сфера принуждения.

Но свобода его оказывается иллюзорной. И в сфере досуга властвует бизнес, навязывая своей многомиллионной клиентуре такую трату свободного времени, которая оказывается бессмысленной, бесполезной, порой просто вредной: общепризнанный факт, что рост преступности на Западе во многом объясняется разлагающим воздействием (особенно на молодежь) пропаганды насилия в кинематографе, телевидении, литературе. Причем многие преступления совершаются в точности по рецептам творцов «массовой культуры».

60 процентов издаваемых в США книг — детективы и комиксы. Хозяева индустрии досуга стараются максимально использовать наиболее сильные реакции и инстинкты: страх, ревность, любовь, инстинкт самосохранения, стремление к успеху. Заставив зрителя дрожать от ужаса, они затем погружают его в состояние сладкого забытья. Так досуг оказывается сферой «психоманипулирования», цель которого — не дать человеку вырваться из тисков «массовой культуры» и подняться до серьезной, самостоятельной позиции в философских и политических вопросах.

Экономические возможности для развития досуга в США колоссальны: прямые и косвенные затраты на отдых и развлечения составляют примерно 100 миллиардов долларов, в этой индустрии занято около 2 миллионов человек. Но предложить перспективные гуманистические идеалы, которые могли бы придать общественно значимый смысл деятельности людей в свободное время, буржуазная идеология не в состоянии. «Самой серьезной проблемой для США... в последнюю треть этого века будут поиски цели и смысла жизни», — пишет один из теоретиков «постиндустриального» общества, Г. Кан.

Отсутствие интересных, творческих целей приводит к обесцвечиванию, опустошению свободного времени. Человек не живет, а существует, подобно герою повести Альбера Камю «Посторонний», скользя безвольно по поверхности жизни. Он не имеет собственных желаний, ни от чего не отвращается, покорно читает, смотрит, слушает то, что ему предлагают творцы «массовой культуры». Он только равнодушный потребитель. Но к чему придет общество, насаждающее в людях такую психологию? Пожалуй, самый убедительный ответ — и одновременно предупреждение — дал английский философ и писатель Олдос Хаксли в своем романе «Новый смелый мир». Как же организован досуг обитателей этого фантастического общества будущего?

Научно-технический прогресс избавил человечество от тяжелого, изнурительного труда. Нет больше безработицы, кризисов, нищеты, болезней, социальных конфликтов. Люди работают всего 4 часа в сутки. Можно бы и меньше, а то и вовсе не работать, поскольку все необходимое производится при помощи машин, если бы не опасность скуки и анархии. Социальная стабильность, гармония и обеспеченность общества, по мнению элиты этого мира, несовместимы с творческим, свободным саморазвитием личности. Поэтому досуг своих подопечных они целиком заполняют развлечениями. Выбор большой. Можно хоть целый день наслаждаться цветным, объемным, сопровождающимся запахами телевидением (экран — во всю стену); можно сесть в самолет и отправиться на один из тихоокеанских пляжей; можно, наконец, беззаботно предаваться любви. Но вся эта свобода куплена дорогой ценой. Ни в политике, ни в искусстве, ни в науке этого мира нет и намека на какую-либо личную инициативу. Все делается по раз навсегда разработанным рецептам и программам. Мало того. Даже в личных отношениях нет места настоящей любви, интимной привязанности. Нет творчества. Искусство не знает трагедий, не обременено поиском. Его назначение — успокаивать, усыплять. Все счастливы, потому что каждого с раннего детства воспитывают и учат в точном соответствии с предопределенной ему социальной ролью. Ну а если кому-нибудь все-таки скучно, к его услугам безвредные наркотики, которые избавляют от депрессии и дурного настроения.

Самое страшное в созданной воображением писателя картине, пожалуй, то, что каждый искренне доволен своей судьбой, определенной ему раз и навсегда, и не замечает, что превратился в несчастного, вернее — не имеющего понятия о счастье, робота. Сатира, фантастика? Да. Но сходство с оригиналом несомненное. Ведь эту же цель — закабалить духовно, лишить творческой инициативы, обезличить — преследует и галерея стереотипов поведения, созданная «массовой культурой» досуга на Западе. Преуспевающий, знающий цену всему бизнесмен; обыватель, укрывшийся за забором собственного садика от мира; домохозяйка, изящно порхающая среди своей кухонной автоматики... Они шлют свои белозубые улыбки с рекламных полос журналов, с кино- и телеэкранов, со страниц книг. Они взывают: делай, как я, живи, как я, купи то, что купил я, — и будешь счастлив, как я! Куда бы человек ни подался в свое свободное время, ему не уйти от назойливого стереотипа. Рано или поздно он начинает думать, что сам всю жизнь мечтал только об этом домике, об этом автомобиле, об этой автоматической кухне, об этих подтяжках и что в этих приобретениях все его счастье.

И когда он в это уверует, его уже трудно убедить, что настоящее человеческое счастье неизмеримо шире и интереснее узенького мира благоустроенного быта и что он расплескивает понапрасну свое драгоценное богатство — свободные минуты и часы.

ВОСКРЕСНЫЙ ВЕЧЕРОК В ЛУНА-ПАРКЕ

или

как развлекаются итальянские ребята

ЭНЦО РАВА, итальянский публицист, — для «Ровесника»

Если Наполеон Бонапарт и не пожелал присоединить к своей империи всю Италию, то только по той простой причине, что она, как он говорил, «слишком уж длинная» и изменчивая; в самом деле, если в Пьемонте или Трентино одни уже (или еще) развлекают себя лыжами, то на Сицилии другие еще (или уже) развлекают себя морскими купаниями. Впрочем, разнообразие определяется у нас не столько географическими параллелями, сколько социальными меридианами, так что, хотя и все молодые люди питают самые горячие чувства к моторам, одни из них, немногочисленные и богатые, носятся на ревущих «мазерати» и «феррари» по три с лишним тысячи кубиков; другие, из куда более широкой прослойки, довольствуются прогулкой на отцовской малолитражке; третьи, самые многочисленные, носятся на ревущих (благодаря соответствующим манипуляциям с глушителем) мотоциклах с моторами меньше 50 кубиков. Четвертые... четвертые вообще ни на чем не носятся, они — пешеходы, и так как они в стороне от «машинных» забот, они в стороне и от нашего разговора.

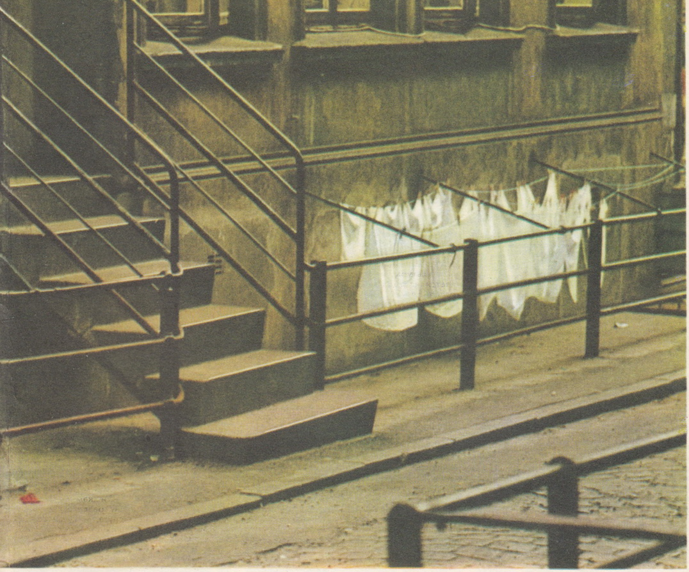
Есть еще один классический разграничитель: город — деревня; он тем более основателен, что у нас в стране есть места, в которые еще не дошел электрический свет, а стало быть, нет там и телевизионного балагана; огромные районы итальянского Юга пребывают все в том же состоянии, в каком они были, когда от них отказался Наполеон, а может быть, и еще ранее. В то же время на итальянском Севере находятся обширные районы самых современных и интенсивных массовых развлечений, электроники, футуристики и всяких телечудес.

Итак, для того, чтобы ответить на вопрос «Как развлекаются молодые итальянцы?», нам придется держать в уме многочисленные подразделения по географическим, историческим, социальным и, конечно же, культурным и политическим признакам (хулиган никогда так не веселится, как разбивая уличные фонари, святоша — перебирая четки в компании с падре, фашист — бросая бомбы в школы, и прочее и прочее); или же нам придется ограничиться успокоительной в своей бодрости статистикой, согласно которой «каждый» восемнадцатилетний пять раз в год ходит в кино, в то время как на самом деле один ходит десять раз, а другой за год ни разу не спускается из своей альпийской деревушки. Поэтому, пожалуй, разумнее всего обратиться к примерам, выбрать некие образцы, типичные для широких слоев молодежи — ведь балованные дитяти наших прекрасных буржуа, успевшие перепробовать все удовольствия и теперь развлекающиеся наркотиками, в связи со своей малочисленностью вряд ли заслуживают особого внимания.

Но раз уж мы заговорили о «среднем» отдыхе, нам не обойтись еще без одного уточнения. Уточнения временного. «Mala tempora currunt», — говорили латиняне, — «черные настали времена», и галопирующая инфляция порядком растрясла доходы трудящихся, а стало быть, уменьшились и расходы, которые когда-то были типичны для свободного времени. Тот факт, что нынче у юноши **нет** тяги к фотографии, означает всего лишь, что он ее **не** может теперь себе позволить: за год цены на фотоаппараты выросли вдвое, проявка, печать — в три раза. Или возьмите для примера тот же мотоцикл, который еще недавно был массовой страстью. Не в том дело, что ребята вдруг охладели к нему, просто на мотоцикл сейчас не так-то просто забраться — цена «кусается»; добавьте к этому цену на бензин, вдвое увеличившуюся за считанные месяцы, да разные обычные и дополнительные налоги... Вот и получается, что большинство теперь развлекаются не столько ездой, сколько разговорами о езде.

Это и в самом деле одно из популярнейших развлечений молодежи: **говорить** о моторах. Компетентность новых поколений по этой части вне всяких сомнений. Если б в школе молодых людей не терзали вопросами о Цицероне и кубических корнях, а спрашивали о кубических сантиметрах цилиндров и кулачковых передачах — будьте уверены — они выглядели бы самым эрудированным поколением среди всех когда-либо выросших на этой земле ораторов, святых и поэтов.

Как я уже говорил, каких-то пару лет назад страсть молодежи к скорости и шуму в той или иной степени удовлетворялась; различия здесь были в том, что одни могли себе позволить триумфальные 750 или 1000 кубиков, другие хотя и выезжали на моторах поскромнее, зато могли позволить себе самые фантастические украшения для своих «ко-

ней» — зеркала заднего вида, кожаные ремни на сиденьях, указатели поворота, эмблемы знаменитых автодромов и призов, вместительные инструментные сумки и даже встроенные транзисторы; чем слабее машина, гласило молчаливое правило, тем больше и сложнее должен быть набор блестящих утешений.

На этих днях мне довелось стать свидетелем очаровательного и не лишенного патетики спора (хотя дальше слов дело так и не пошло) между парнем, сидевшим в седле непрезентабельного «моторишки», и его приятелем. Мотоциклист пояснял: «Я опустил весь передок, знаешь, насколько он от этого мощнее стал! Я снял глушитель, теперь он так ревет! Потом я, конечно, сменил свечи; пою его бензином, в котором побольше октанов; отрегулировал минимум, добавил еще одну фару и вот эти два зеркала...» — «Ну, хорошо, — вставил приятель, сидевший в седле **велосипеда** с автоматической передачей, — так как же насчет нашего спора, принимаешь?» — «Нет, сегодня мне не до гонок», — отвечал мотокентавр; уж он-то знал, что больше сорока в час ему не выжать.

Увлечение моторами родилось у итальянской молодежи в годы, когда самыми модными были разговоры об «экономическом чуде»; а до той поры главной страстью был футбол — я имею в виду футбол, в который играют кожаным или резиновым мячом, мячом из тряпок или, на крайний случай, консервной банкой. Тогда трудно было найти двор, пространство между домами, пригородный пустырь или просто площадь, по которой ходит трамвай или автобус, где бы мальчишки, разделившись на команды, не гоняли в футбол, проявляя при этом неукротимую энергию и ловкость. Сейчас благодаря новой ситуации в мире дорогостоящих моторов это увлечение возвращается; экономический кризис вернул нам прежние мячи и команды, яркие цвета маек и азарт игры.

Вот только куда он их возвращает? Где место для прежнего футбола в городе, в котором все определяет строительная спекуляция? А настоящие поля, спросите вы, со стандартными размерами, с воротами, белыми линиями и зеленым ковром, где же они? Для молодежи их не существует. Нет, нет, мы и в самом деле, как принято говорить, высокоспортивная страна, но только в том смысле, что на прекрасные стотысячные стадионы мы ходим лишь затем, чтобы подбадривать и освистывать футболистов-профессионалов, вечно при этом надеясь, что мы еще увидим их чемпионами мира. Так вот, повторяю, стадионов и вообще спортивных площадок, комплексов специально для молодежи нет. Еще хуже со спортивными залами в школах. Все это объясняет, почему спорт «выпадает» из набора массовых развлечений.

На этом со спортом можно и покончить, других массовых видов я что-то у нас не припоминаю. Если не говорить о лете, конечно. Другими словами, о море. Мы являемся страной с наиболее развитым соотношением между береговой полосой и общей площадью (исключая разве небольшие острова). Мы можем похвастаться также большим числом мореплавателей, что, несомненно, доказывает, что мы — хотя многие из нас и не умеют плавать (смотри статистику летней смертности) — все поголовно обожаем море, любим плескаться в его прибрежных волнах и загорать; ребята, так те вообще без ума от моря, но и оно, как показал последний сезон, от них отдаляется. Это стоит денег — «поехать в отпуск», «поехать на каникулы»; так что многим пришлось остаться в городе. (Бассейны? Да, бассейны, разумеется, есть, большие и красивые, но обычно в них плавают профессионалы. Верно, зимой они чаще открыты для публики, но по утрам — когда ребята в школе.) Мо-

лодежным спортом у нас становился одно время и горный спорт, в особенности горнолыжный. Но сейчас неделя в Альпах стоит дороже путешествия на Канарские острова.

Так или иначе для городской молодежи остается обычное развлечение: кино, пусть даже в ветхом зальчике пригорода. Обычный репертуар таких киношек — вестерны, фильмы ужаса или пущенные как новинки ленты тридцатых годов о Тарзане. Но веселье этих киношек не столько в том, что показывают с экрана, сколько в том, что творится в зале. Публика здесь, что принято называть, «участвует в действии»; она весела и саркастична, а уж если говорить о Юге, то и дерзка, изобретательна и всегда не лишена желания показать себя. И вот вампир Дракула, сосущий кровь из горла несчастной жертвы, и чудовищные марсиане с зелеными щупальцами, и незатейливые отрезатели голов, ожившие трупы, привидения, садисты, бесноватые — короче, весь этот сброд, некогда вселявший ужас, вызывает вполне уместные остроты и смех. Зрители весело кричат героине: «Осторожно, граф Влад (он же Дракула) хочет сделать тебе укол!» Они заходятся от хохота, глядя на некрофилов, и обсмеивают ужимки монстров. То же самое происходит с порнографическими фильмами, одним из крупнейших достижений (по части доходов) капиталистического кино последнего времени; насмешки, с которыми подростки встречают эти картины, снимают с них оболочку запретного плода, нейтрализуют их.

Теперь о «флипперах», игорных автоматах — «одноруких бандитах». Надо тут сразу сказать, что в свое время нам в Италии благодаря почти единодушной мудрости удалось предотвратить агрессию этих опустошителей карманов детей и их родителей, этих пожирателей монет, массовое изготовление которых налажено в Америке. Деньги, правда, пожирают и разрешенные машины, но все же игру в «кто первый сделает «динг» или зажжет лампочку» не сравнить с рулеткой, лотереей и другими денежными азартными играми. Машинки эти у нас довольно популярны, да и в самом деле — представьте себе, сколько радости приносят они, стоя где-нибудь в углу бара, зажатого сгрудившимися вокруг домами. В таком квартале, отрезанном от центра города расстоянием и нехваткой общественного транспорта, лишенном по милости строительных спекулянтов даже самого маленького сквера, даже скромной площадки для игр, бассейна или просто свободного места, где можно погонять банку; так вот представьте, как в таком квартале пронзительной меланхолии греет сердце обыкновенный «флиппер», трезвонящий свои веселые «динь-динь», зажигающий свои огоньки, разжигающий добродушные споры и подтрунивания... С ним как-то, право, веселее в грустный вечер...

Потому что именно в этом все и дело: ребята, когда они хотят развлечься, вынуждены прежде всего надеяться на собственную фантазию; все остальное — деньги, и все больше денег, даже песенка стоит денег. Ведь песня в последние годы тоже была одним из массовых молодежных увлечений, а диски на 45 оборотов стали характеристикой целого поколения, поколения несложной музыки. Эта группа равных, эта республика подростков в своей «конституции» предусмотрела особую «неформальную» одежду и свою особую форму литургии — песенку и танец. Социологи, изучавшие этот феномен, решительно гарантировали нам некий качественный скачок в способности человека к самовыражению; они с уверенностью констатировали прогресс (или регресс?) по части полного отказа от литературного языка и печатного слова в пользу ритмического мычания и выразительной мимики. Увы, достаточно было несчастного кризиса, жалкой инфляции, вздорожаний, суперналогов — и вот уже наш диск вернулся в славную компанию товаров для избранных; как, впрочем, и книга, и театр, и концерты.

Это особая глава в рассказе о времяпрепровождении молодых. Для всех ребят это типично: говорить о девушках, влюбляться в девушек, танцевать, расставаться, отчаиваться и снова отыскивать своих девушек; по крайней мере, болтать и фантазировать о девушках — разве это не типично для ребят! И конечно, для девушек! Это естественно и логично, свойственно всем молодым людям без всяких различий в условиях жизни и уровне культуры, а потому невольно выбивается из темы нашего разговора — «как развлекаются итальянские ребята?» — разговора о том, что общество дает им и чего лишает.

Тем, кто живет в сельской местности, оно почти ничего не дает; к примеру, на Юге нет зачастую кино и телевидения, нет вообще ничего, кроме небольшой площади городка или деревни, где и собираются ребята, чтобы продолжить вечный разговор о девушках и моторах, о тех, кто шагнул во взрослый мир, и о местных, вызывающих зависть своим модным видом, богачах. Если не говорить об обширной и высокоразвитой Паданской низменности, наш полуостров горист; нет-нет, речь не идет о гималайских вершинах, достаточно холмов и скромных горок, чтобы разъединить долины, изолировать фермы и деревеньки. Представьте, как трудно парню, а тем более девушке, добраться до площади соседнего городка, вот почему такая тоска витает над горами и «молодежь, — как пишут социологи, — бежит при первой возможности».

Есть, правда сказать, и еще одно молодежное и традиционное времяпрепровождение, сохранившееся как в больших городах, так и особенно в малых. В центре страны и на Юге его называют «струщё» (что примерно означает «натирать», «полировать», «начищать»), в других же местах оно зовется проще — «прогулка» по «корсо», то есть главной улице. В любой праздничный или выходной вечер вдоль по корсо движутся девушки — когда-то в сопровождении мамаш, потупив очи и бросая время от времени взгляды по сторонам, а сегодня непринужденными и щебечущими группками, в то время как кучки ребят стоят бастионами в стратегически важных местах — обычно на углах. В некоторых средневековых или времен Возрождения городах, как, например, в прекрасной Лукке, сохранились еще каменные отполированные временем скамьи, на которых и рассаживаются ребята для ведения своих визуальных наблюдений. Удовольствие это, как бы сказать, даровое и такое подходящее для тех, у кого пустовато в кармане; оно, как бы вам сказать, чертовски галантное и такое подходящее для тех, кто по давнишней легенде этой страны считает себя обреченным или, по меньшей мере, имеющим все шансы стать великим донжуаном; оно, в конце концов, просто приятное, потому что погода такая и воздух такой...

Не забудем и о Луна-парке; что скрывать, он и в самом деле был нашим прекрасным прошлым, казалось, исчезнувшим под напором волны потребительства, поднятой ветром мимолетного «экономического чуда». Когда каждый большой магазин и чуть не каждая улица зазывали нас луна-парковым светом и звуками к своим прилавкам, тогда темень и пустота окружала периферийные тиры, колеса обозрения, «туннели любви» (это там, где можно украсть поцелуй), русские горки... Но шли месяцы, и старинные развлечения снова стали привлекать публику, особенно молодую. И снова воскресли картонные бравые молодцы, палящие из пистолетов и ружей, нахальные и обольстительные сирены, которые, зажав сигарету в зубах и ружье в руках, зазывают ребят показать свою удаль в стрельбе: кто быстрей разобьет фигурки, кто взорвет подвешенные лампочки, кто первым зажжет фотоэлемент, кого сфотографируют в позе лихого охотника, поражающего слона?!

Луна-парк!.. Он привечает ребят, сбежавших от уроков и от заевшей грусти, столь частой гостьи в зеленые годы. Он гостеприимен к служанкам, приехавшим из далеких краев в город за скудным заработком; им нелегко позволить себе даже кино, и они приходят сюда, собираются группами, взявшись за руки, ходят зачарованные среди блеска света и цвета, а за ними (точно так же под руку) шествуют солдатики, как и они, собранные в городские казармы из дальних краев; как и они, на вечном безденежье; их тяготит неловкость непривычной выходной формы, их горячит собственная дерзость заговорщиков... Служанки и солдаты — сладкий образ когда-то реальной Италии; теперь в большом городе она кажется жалкой и провинциальной, крестьянская Италия, которая все еще так здорово вкалывает для Италии современной...

Чуть позже, чуть раньше группы объединяются, вновь раскалываются, перестраиваются и рассаживаются по кабинкам русских горок: служанка и солдат, служанка и солдат — и камнем вниз и круто, к небу вверх, ну разве это не случай вскрикнуть от испуга, и рассмеяться, и быстро украдкой пожать руку: «Здесь же в воскресенье, хорошо? Покатаемся на сталкивающихся автомобильчиках...»

Прежде чем расстаться, солдат поправит берет, робкой рукой возьмет под руку девушку и подойдет с ней к аппарату с фотовспышкой. Двое улыбаются — кто знает: быть может, это первый портрет счастливой пары из какой-нибудь далекой деревушки...

И ведь в самом деле, она редкостно — в сравнении с прошлыми десятилетиями и даже столетиями — здорова, наша молодежь, непринужденна, беспечна, жизнелюбива; свободолюбивая и в то же время серьезная в работе, связавшая свою судьбу с идеологической и политической борьбой. Итальянское слово, обозначающее такие понятия, как отдых, времяпрепровождение, то есть развлечение, происходит от латинского «di-vertere», то есть «поворачивать в другую сторону». В определенном смысле лучшим «поворотом в другую сторону» будет, если здесь позволительна игра слов, поворот к активному включению в идеологическую борьбу — не затем, конечно, чтобы отвлечься, отдохнуть, провести время, а затем, чтобы с юношеской дерзостью, энтузиазмом и верой в «di-vertere» повернуть корабль республики в сторону от монотонно плоской, нудной и устаревшей действительности к жизни более справедливой и — почему бы нет! — радостной и молодой.

Рим, ноябрь

Перевел с итальянского И. ГОРЕЛОВ

СЕДЬМОЙ ДЕНЬ НЕДЕЛИ

и

каждый ее вечер

Игорь ФЕСУНЕНКО

Семь часов вечера, воскресенье.

— Мария! — раздается пронзительный голос где-то за окном. — Уже семь, а еще ничего не готово. Где же стол и стулья?

— Иду! — кричит невидимая Мария. На четвертом этаже хлопает дверь, и по лестнице разносится оглушительный стук шлепанцев на деревянной подошве. Нисхождение Марии с четвертого этажа на первый свершается под непрерывный аккомпанемент руководящих указаний, которые она раздает почти в каждую дверь.

— Алисия! — кричит она на третьем этаже. — Где твой Пахито? Он же должен принести бумагу и карандаши!

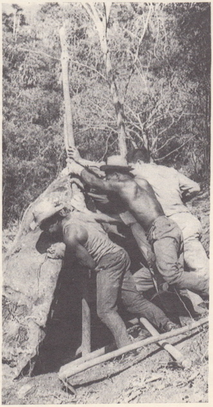
— Не волнуйся за Пахито, — отвечает голос Алисии. — Пахито тебя никогда не подводил. Он бреется, и через пять минут ты получишь свои карандаши.

— Педро! — снова слышится голос Марии. — Ты думаешь, я сама буду таскать эти стулья? Где ребята? Опять небось играют в пелоту?

— Лурдес! — Голос Марии слышен уже снизу, очевидно, она спустилась на первый этаж. — Напомни своему мужу, чтобы он не забыл захватить расписание патрулей на будущий месяц.

— Он уже сидит и ждет тебя с этим расписанием, — отвечает Лурдес. — Еще с обеда он сидит с этим расписанием и ждет тебя, слышишь, Мария? — И Лурдес смеется раскатистым басом, словно приглашая повеселиться весь дом.

Внизу уже слышен пронзительный скрип и скрежет: по мраморному полу холла двигают столы и стулья. Потом раздается громкий звон: кто-то разбил вазу или тарелку. Ветер бьет балконную дверь. На перекрестке у дома взвизгивают тормоза двух встретившихся нос к носу машин. В точном соответствии с привычной партитурой развивается звуковая симфония обычного гаванского вечера, когда солнце постепенно опускается в пелену серых облаков где-то за Марианао и на серые небоскребы Ведадо ложится театрально неестественный лиловый свет заката. Постепенно он сереет, размывается, на улицах и авенидах вспыхивают фонари. С набережной тянет прохладой и сыростью. А в доме продолжается ленивая перекличка хозяек. Выглянув на балконы, они извещают друг друга о степени своей готовности к участию в предстоящем мероприятии. Одна из них уже совсем собралась, осталось помыть посуду. Другая уже помыла ее, но пришивает пуговицу своему Панчо. А третья уже спускается вниз, да, да, уже совсем спускается, вот только досмотрит сейчас, через минуточку, очередную главу телевизионной новеллы «Капитан Ураган».

Среди многих дел Комитетов защиты революции организация досуга для молодежи занимает далеко не последнее место. На этих двух снимках вы видите гаванских ребят, спешащих на традиционный карнавал, и нескольких скульпторов, занятых «заготовкой материала» для будущих работ членов молодежного центра искусств на острове Пинос.

Фото В. Волкова

Проходит еще полчаса, стихает разноголосый хор телевизоров, стукают, хлопают, щелкают двери, по лестнице шаркают, шлепают, притопывают и постукивают башмаки всех размеров и моделей, в доме воцаряется сосредоточенная тишина, а снизу слышится строгий голос Марии:

— Внимание! Начинаем очередное заседание нашего комитета защиты революции.

Примерно такая же церемония происходит в соседнем доме, и в доме напротив, и в том, что наискосок, и в следующем за ним, и на соседней улице, и по всему Ведадо, в Марианао, Миранаре, одним словом — во всей Гаване. Впрочем, не только в Гаване, но и в других городах и селениях Кубинской Республики, ибо комитеты защиты революции, или, сокращенно, по первым буквам, СДР, функционируют всюду, по всей Кубе, объединяя в своих рядах около восьмидесяти процентов ее населения.

Я выхожу на балкон и слышу доносящиеся снизу голоса: заседание в самом разгаре, страсти кипят. Помимо руководителей комитета, в нем участвуют жильцы, вокруг толпятся все желающие: у СДР, у его членов — «седеристов» — ни от кого нет секретов.

— Наш подъезд сдал бумажной макулатуры на двадцать килограммов больше, чем было запланировано, — доносится размеренный голос Аделаиды Санчес, степенной мамаши четырех негритят, самых крикливых и озорных мальчишек на всей улице. — Что же касается сбора пустых бутылок, — продолжает Аделаида, — то за последние три месяца мы выполнили принятый нами план на сто двадцать процентов.

Сказанное не означает, что Аделаида и ее соседи в минувшем квартале злоупотребляли ромом и иными крепкими напитками. Просто-напросто сумели мобилизовать детишек и внуков, которые обследовали все подвалы, обошли все квартиры, извлекли из старых кладовок бутылки, макулатуру, скапливавшиеся там годами.

— А кто мне скажет, — слышится голос Марии, — зачем мы высаживали на нашей улице олеандры? Почему их никто не поливает? Ведь они же погибнут!

О чем только не говорится на этих еженедельных заседаниях СДР! О посадках цветов и читке газет вслух, об участии в сафре и ремонте лифта, о видах на урожай цитрусовых и о встрече приезжающих в Гавану зарубежных гостей.

Найдется, возможно, любитель формальной логики, который спросит: «Позвольте, а при чем тут «защита революции»?» Действительно, человеку, мало знакомому с кубинской действительностью, с кубинской историей и с психологией, с особенностями национального характера кубинцев, очень трудно представить себе, что такое СДР и почему кубинцы способны после нелегкого рабочего дня с неподдельной страстью и темпераментом спорить и дискутировать о сборе утильсырья и покраске забора, о порядке распределения книг между читателями домовой библиотечки и изготовлении бумажных цветов, с которыми они выйдут на митинг, посвященный юбилею СДР.

Чтобы попытаться разобраться в этом, следует прежде всего вспомнить историю комитетов защиты революции.

1960 год. Второй год революции. Один из самых напряженных периодов истории молодой республики. При поддержке американского империализма контрреволюционные силы развязывают волну провокаций, диверсий, саботажа. Одно за другим следуют покушения на коммунистов и видных деятелей революции, вспыхивают мятежи, по стране прокатывается волна насилия, убийств, бандитских вылазок и преступлений. Вот несколько наугад выбранных заголовков газет того времени: 13 января — «Два самолета, вылетевшие с территории США, поджигают сахарные плантации в районе Ранчо Велос и Комадос де Гинес»; 28 января — «Подверглись бомбардировке поселки Аделаида, Виолета, Патриа, Пуноа-Алегре и Ботон»; 18 февраля — «Пиратский самолет, бомбивший территорию Кубы, разбился в районе сахарного завода «Испания»; 22 февраля — «Бомбы сброшены на Кохинар и Реглу» (это, между прочим, уже пригороды Гаваны...); 4 марта — «В гаванском порту в результате диверсии взрывается французское судно «Ла Кубр». 70 человек погибло, свыше 200 — ранено»; 9 апреля — «Контрреволюционеры убивают крестьянина...» Это продолжается день за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем. И в ответ на активизацию контрреволюции с каждым днем, с каждой неделей, с каждым месяцем растет гневное возмущение народа, крепнет его решимость отстоять свои завоевания. По всей республике стихийно создаются отряды народной милиции, группы самозащиты, боевые дружины. После взрыва «Ла Кубр» Фидель Кастро впервые произносит слова, ставшие с тех пор крылатым лозунгом революции, выражением всенародной решимости защитить ее: «Патриа о муэрте!»

В сентябре того же года Фидель Кастро выступает в Организации Объединенных Наций. С трибуны Генеральной Ассамблеи ООН в яркой, темпераментной речи вождь и руководитель кубинской революции разоблачает ее врагов и тех, кто стоит за их спинами.

Спустя двое суток, вернувшись в Гавану, Фидель Кастро выступает с отчетом о своей поездке на сессию Генеральной Ассамблеи ООН перед миллионом гаванцев, собравшихся на площади Революции. Во время этой речи поблизости от трибуны взрываются две бомбы. «Паредон! Паредон! Паредон!» — скандирует площадь, требуя расстрела для врагов революции. Фидель не прерывает речь. Он обращается к народу с призывом ответить на провокации контрреволюционеров сплочением своих рядов. «Они играют с народом, — говорит Фидель, потрясая рукой, — но они еще не знают, что такое народ!»

И уже на следующий день по всей стране, слышавшей эту речь по радио, возникают эти новые, но подготовленные всем ходом кубинской революции организации: СДР. Они создаются в Гаване и Сантьяго, в горах Эскамбрая и на табачных плантациях Пинар-дель-Рио, на острове Пинос и в отрогах Сьерра-Маэстры.

В первые же дни после своего возникновения комитеты защиты революции стали мощной поддержкой революционных вооруженных сил. СДР активно участвуют в подавлении мятежей, поимке диверсантов и убийц, охране фабрик, заводов, учреждений. Эмблемой комитетов становится фигура человека со щитом в одной руке и поднятым над головой карающим мечом революции — в другой.

...С тех пор прошло полтора десятилетия: в 1975 году Куба будет торжественно отмечать пятнадцатилетие СДР. Нынешняя обстановка в стране несопоставима и несравнима с той, что была в грозном шестидесятом году. И подрастающее поколение, дети, родившиеся в первые послереволюционные годы, уже не помнят о взрывах, бомбежках, поджогах, убийствах.

Не означает ли это, что комитеты защиты революции можно было бы уже и распустить? Ведь они, похоже, уже выполнили свою роль и исчерпали себя, не так ли? Сделали свое дело и теперь могут уйти...

Спросите об этом кубинца, и вы увидите, как он в ответ засмеется. Он даже не станет возражать, ибо подумает, что вы пошутили. Неудачно, но пошутили.

Кубинец сейчас просто не мыслит себя без СДР. Потому что СДР стали уже не просто общественной организацией, выполняющей сумму каких-то функций. Они превратились в нечто типично кубинское, неотъемлемое, органично присущее этому народу, привыкшему жить с распахнутыми нараспашку дверьми и душами, умеющему делить с соседом и незнакомцем радость и горе. СДР — это и клуб для кубинцев, обожающих поговорить и поспорить о любых простых и самых сложных вещах и высоких материях, способных превратить перестановку мебели в своей квартире или поиски закатившегося под диван карандаша в событие, если не для всей улицы, то для своего дома наверняка. Но главное, разумеется, в ином: СДР наполнили большим смыслом и содержанием свободное от работы время кубинца — от первого до седьмого дня недели.

Как же организуется деятельность СДР, чьи эмблемы видишь на Кубе буквально на каждом шагу, на каждом доме, чуть ли не на каждой двери? Начнем с того, что создаются они по месту жительства: в отдельных зданиях, если они достаточно велики и густо заселены, либо объединяют жильцов квартала, улицы.

— Главной нашей задачей, — рассказывает Хосе Лопес Идальго, ответственный за сектор порядка, — остается защита революционных завоеваний, охрана государственного и народного имущества, одним словом, поддержание порядка в городах и населенных пунктах страны. Поэтому каждую ночь тысячи «седеристов» патрулируют улицы, охраняют покой населения. Мы выделяем для дежурства по кварталу двух человек на первую половину ночи — с одиннадцати вечера до двух, и вторую пару — с двух ночи до пяти утра. Хотя хулиганов давно уже нет на улицах Гаваны, хотя до минимума сократились случаи воровства, не говоря уже о бандитизме, который в республике давно изжит, СДР все же держат порох сухим, и каждую ночь наши патрули выходят в дозор.

— А у меня — сектор здравоохранения, — продолжает разговор Алисия Касанова. Алисия врач, училась в Москве, теперь работает в одной из гаванских поликлиник, и вполне естественно, что жильцы дома по 6-й улице, где она живет, избрали Алисию ответственной за свое здоровье.

Двумя этажами выше живет плотник Хорхе Пачеко. Он работает на мебельной фабрике, а в свободное от работы время вместе с электромонтером Мигелем Энрикесом ремонтирует домовое хозяйство. Никому и в голову не придет предложить Хорхе какую-то плату за отремонтированный унитаз или замок на двери. Никто не сунет ему пару песо или бутылку рома. Если бы это случилось, Хорхе почувствовал бы себя оскорбленным до глубины души: ведь он не нищий, не какой-нибудь «шабашник»! Он член комитета защиты революции, которому поручено важное и ответственное дело. Ведь не станут же жильцы предлагать деньги Алисии за то, что она делает прививку? Почему же нужно платить за ремонт двери?

Да, СДР меняют не только организацию общественного хозяйства, но и психологию людей. Заставляют каждого кубинца ощутить себя не просто жильцом данного дома, а членом дружного большого коллектива, где все за одного, один за всех. И если сегодня Хорхе «за спасибо» чинит Алисии дверь, то завтра Алисия будет ухаживать за его больным ребенком, а Педро Лукс возьмет его с собой на пляж, куда воскресным утром все семейство Педро Лукса выезжает на громыхающем оранжевом «шевроле» выпуска пятьдесят седьмого года.

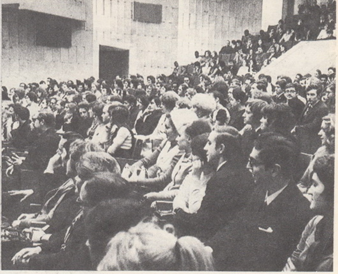
Чем только не занимаются члены СДР в свободное от работы время! Поддержанием домов, улиц, скверов и парков в чистоте, организацией досуга: спорт, художественная самодеятельность, библиотеки... Комитеты выпускают стенгазеты и плакаты, организуют воскресники, создают бригады, которые помогают на сафре — уборке сахарного тростника.

Вся эта многообразная деятельность ведется без тени формализма. Каждый выполняет свою задачу с таким энтузиазмом, как если бы это было самое важное дело в ту минуту. Если Марта Рохас обошла квартиры и объявила, что в воскресенье они разбивают сквер возле дома, то можно быть уверенным, что в назначенный час все, кто в состоянии держать лопату или орудовать лейкой, примутся за работу. Впрочем, кто-нибудь, разумеется, опоздает. Тут уж никуда не денешься: жива еще многовековая латиноамериканская «традиция» не торопиться на работу. Вообще-то эта старая «болезнь» изживается на Кубе довольно успешно; революция произошла в стране, но она происходит и в каждом человеке, и роль комитетов защиты революции здесь огромна.

В ближайшие месяцы одним из основных занятий СДР станет посадка цветов на улицах кубинской столицы: национальное руководство комитетов защиты революции обратилось к гаванцам с призывом отметить намеченный на конец 1975 года новый съезд Компартии Кубы превращением Гаваны в город-сад. Раз так решено — значит, так и будет. Полтора десятилетия существования СДР уже убедили, что слова кубинцев не расходятся с делами.

Гавана, ноябрь

САМЫЙ ВЫСОКИЙ ХОЛМ

или

чем занят автозаводец после смены

С. РЕМОВ

Так вставайте, рабочие братья!
Пусть закон для нас будет один:
По восемь часов на труд и отдых,
Восемь тратим на что хотим!

Эту «8-часовую песню» пели американские рабочие в 60-е годы прошлого века. Требования их, как видите, не сводились только к 8-часовому рабочему дню, они отстаивали право на свободное время. В России это право трудящиеся завоевали в Октябре семнадцатого, и не только право, но и широкие возможности его осуществления. В этом главное: фраза «восемь тратим на что хотим» может остаться лишь фразой, если не подкреплена тем, что принято называть «материальной базой».

О том, как обеспечивается возможность с толком провести свободное время; о том, какие усилия прилагают для его организации государство, профсоюз, комсомол, мы говорили на Московском автозаводе имени Лихачева.

Можно было бы начать наш рассказ с внушительных цифр, с перечислений и иных статистических восторгов, но, пожалуй, уместнее дать первое слово человеку, которого мы целый день разыскивали, потому что хотя бы для себя хотели узнать: а как же все начиналось — и этот великолепный Дворец культуры, и многочисленные кружки самодеятельности, и многотысячные концерты, и собственный стадион, и детские ансамбли?..

— Так как же все это начиналось? — спросили мы у Анастасии Тихоновны Казаковой, о которой нам сказали, что она «пятьдесят лет в нашей самодеятельности».

— Пожалуй, что в двадцатом и вот на этом самом месте. Конечно, Дворца культуры тогда не было и в помине, здесь летняя церковь Симонова монастыря располагалась... В крестный ход, помню, попы целой свитой шли — куличи святили, пасху. А мы, клуб наш комсомольский, располагались в покоях архимандрита. Клуб был на общественных началах, сами себе хозяева. Наши девочки шили костюмы, мальчики делали декорации.

Была у нас тогда такая постановка: «Буржуй в аду». Я там играла роль сугубо отрицательную — баронессу. Мы все попадали в ад: и баронесса, и ее слуги. Там черти и все как надо — ад есть ад. И вот туда же попадали и комсомольцы. Они, конечно, хотели сделать революцию в аду. Буфф был такой. И революцию они, разумеется, сделали. И мы действительно полетели ко всем чертям. И я, баронесса, тоже.

Со временем клуб наш стал мал. Соседние заводы росли — и «Динамо», и АМО, на котором я работала, а значит, росла и самодеятельность; люди, особенно молодые, тянулись к нам. И вот по постановлению правительства здесь основали клуб — вместо летней церкви. Мы тоже участвовали в стройке — клуб-то ведь делали для нас... Это было в тридцать третьем году. В тридцать шестом уже отстроили театральную часть здания, а в тридцать седьмом все закончено было, и клуб, а вернее, Дворец — его ведь и строили знаменитые архитекторы братья Веснины — передали автозаводу как подарок. С тех пор наш Дворец культуры и стоит на Симоновом холме. Вы ведь знаете, Москва на семи холмах, так вот этот холм — самый высокий. Отсюда всю Москву почти видно.

В то время мы играли «Грозу» Островского. Потом «Как закалялась сталь» ставили. И получили второе место по Москве. Я играла Риту. С нами работали лучшие артисты и режиссеры, потом над нами взял шефство МХАТ, Москвин у нас бывал. Он и возглавил нашу рабочую театральную студию.

А потом война... И по приказу директора Лихачева была создана концертная фронтовая бригада. Из лучших. Нас было тридцать человек. Всю войну на фронтах. Начиная с сорок первого года и до конца. С армией вместе шли.

А после войны все вернулись сюда...

Естественно, не одной самодеятельностью жив человек, да и не у всех талант к искусству есть, зато у всех есть человеческое любопытство к новому, тяга узнать побольше о мире и о себе... Чем занять человека в свободное время, какое занятие интереснее и какое полезней — над этим с давних времен размышляли философы, и это по-разному решали практики.

450 лет назад английский мыслитель Томас Мор такими словами описывал свободное время жителей идеального и несуществующего острова Утопия: оставшееся время предоставляется личному усмотрению каждого, «но не для того, чтобы злоупотреблять им в излишествах для лености, а чтобы на свободе от своего ремесла, по лучшему уразумению, удачно применить эти часы на какое-либо другое занятие. Эти промежутки большинство уделяет наукам».

Среди лихачевцев, и в первую очередь молодых, тоже немало тех, кто уделяет свое время наукам, эта картина вообще типична для нашей страны. (Характерно в этом смысле обследование, проведенное в Пскове и американском городе Джексоне. В Джексоне работает и учится каждый десятый, в Пскове — каждый второй.) «Науки», однако, не могут быть единственным способом проведения свободного времени. Тут вообще чуть ли не самое важное — «набор» форм отдыха и занятий, достойное представительство широкого веера вкусов, привычек, склонностей разных людей. А вы знаете сколько людей на ЗИЛе? Мы спросили об этом в заводском комитете комсомола.

— Только комсомольцев восемнадцать с половиной тысяч. Восемьдесят шесть цеховых организаций, в некоторых по тысяче, а в нашем заводе-втузе полторы тысячи человек.

— Скажите, Анатолий, — спросили мы у А. Жигалова, заместителя секретаря по работе в общежитиях, — масштаб вашей организации — это ваша

главная трудность? Все-таки придумать, организовать, увлечь...

— Понятно. Но вот вам для размышления еще одна трудность — неоднородность состава. У нас работает молодежь практически со всей страны. Многие впервые сталкиваются с таким ритмом работы, как на нашем заводе (каждые полторы минуты — грузовик!), с Москвой и ее ритмом. Они еще не привыкли ко всему этому. Нужно ребят настраивать. Нужно им помогать. Прежде всего, конечно, — жилье. Вот сдали квартиры для четырех с половиной тысяч семей, молодых семей. А к Новому году сдаем еще один здоровенный дом. Там поселятся еще полторы тысячи — прямо свеженьких семей, только что поженились. Ребята в основном после армии, а девчатам — по восемнадцать. У нас ежедневно шесть свадеб! И когда вчерашние пацаны и девчонки становятся самостоятельными, создают семьи, обзаводятся квартирой, получают настоящие специальности, мы считаем, что они уже наши кадровые рабочие, мы уверены, они прижились у нас, это точно, проверено на практике. Поэтому молодоженам мы помогаем всеми силами: при каждом общежитии у нас кружки кройки и шитья, кулинарии, вязанья — в общем, домоводства.

— Но не одной работой и домом жив человек, — вступает в разговор Надежда Милько, ответственная в комитете комсомола за культурно-массовую работу. — ЗИЛ — это не только завод, не только университеты для многих тысяч ребят — у нас ведь и ПТУ, и техникум, и втуз, и многочисленные курсы повышения квалификации; ЗИЛ — это и школа культуры.

— Да, но школа для десятков тысяч людей... Как и чем можно занять такую массу людей?

— А вот считайте... За месяц только во Дворце культуры проходит пять вечеров. Причем три тысячи ребят могут участвовать в вечере сразу. Да в филиале — он в поселке ЗИЛ — пять вечеров. Это десять. И в каждом общежитии еще свои вечера, которые даже не учтешь. Так что пустой вечер и не отыщешь. Только ходи да ходи, было бы желание. А еще кружки: радиокружок, кружок кройки и шитья, кружки при Дворце самые разные... Иди записывайся: шей, пляши, пой, мастери. Чего хочешь делай. При каждом общежитии красный уголок, ленинская комната, комната отдыха и еще комната учащихся. Все есть: буфеты, ансамбль, телевизоры. Есть даже переходящие телевизоры. Приз вроде бы. Завоевала твоя комната или квартира первое место в подъезде — пожалуйста, бери его и смотри месяц. Здоровенный телевизор, как положено. Или магнитофон. Вообще, общежития такие, что человек посторонний удивляется, как могут быть такие. Все квартирного типа. Если трехкомнатная квартира, в одной комнате два человека, в большой — четыре, в средней — трое. Иными словами, те ребята, что живут в общежитии, а это около одинадцати тысяч человек, имеют нормальные условия и для того, чтобы почитать, позаниматься и просто отдохнуть, и для того, чтобы сообща и интересно провести какое-нибудь мероприятие...

— Ух, какое скучное слово!

— Жаль, вы вчера не пришли: у нас в женском общежитии, в клубе «Подружки», было одно из таких мероприятий — встреча с тренером по тяжелой атлетике Багдасаровым, он в свое время Юрия Власова готовил.

Мир аттракционов... Наивная и забавная модель мира. Со своим космосом, своей авиацией и флотом, своими приключениями и страхами. Детский мир, скажут... Прекрасный мир.
Билеты в него продаются.
Фото В. Орлова

— Тяжелая атлетика для девушек-подружек, гм?..

— Да нет. Он им не про жим и рывок рассказывал, а про то, что такое гармонически развитый человек. Чисто с научной, может, даже чуть с медицинской точки зрения — каков он сильный и красивый молодой человек.

— А как вообще проходит вечер?

— Общежития у нас по всей Москве. Так вот, в каждом по два красных уголка — мест на девяносто каждый. Пусть это будет наш обычный молодежный журнал «Кругозор». Приглашали Арканова, Лядову, Фельцмана... Любого писателя, поэта можем пригласить, и к нам охотно приходят. Ведущий рассказывает о госте, знакомит. Потом сам гость рассказывает. И вот начинаются вопросы. Тут уж держись! Ребята собираются знатоки. Вытряхивают гостя, если так можно сказать, наизнанку. Ведь если это музыкант, то и собираются те, кто любит музыку. А любит — значит знает. На заводе, в общежитиях одних инструментальных ансамблей не сочтешь.

— И хорошие?

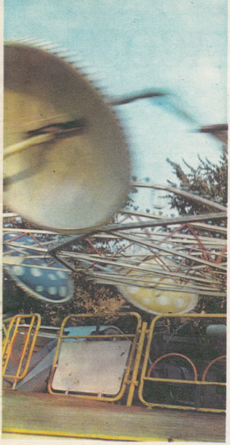
— Да, неплохие. Штук пять так просто отличных.

— Если мы правильно поняли, значительная часть того, что принято называть организованным досугом, у вас проводится в общежитиях?

— Конечно, мы уделяем общежитиям большое внимание: во-первых, по той причине, о которой мы здесь уже говорили, — неоднородность состава среди молодых рабочих и трудности, связанные с «акклиматизацией» в столице и на заводе; во-вторых, потому, что мы хотим создать для ребят семейную, теплую обстановку, ну а в-третьих, потому что общежития — это сплошь молодежь, народ жадный и до развлечений, и до образования. Но мы не забываем и об остальных молодых рабочих. Вот хотя бы такая цифра: на заводе, в красных уголках цехов в год читается 530 лекций; устраиваются многочисленные встречи с композиторами, писателями, поэтами, модельерами, учеными (на днях была лекция о роли ЭВМ в развитии производительных сил общества), международниками... И заметьте: те, кто к нам приезжает, — специалисты высокого уровня, люди в своем деле известные. Иных у нас ребята не хотят, серединка их не устраивает.

— Вот вы все время говорите о лекциях, встречах, беседах, вечерах... Но это ведь все, как бы сказать, потребление культуры, пассивное ее восприятие. Исключая разве что танцы...

— Верно, но ведь все эти встречи — источник новой информации, и, заметьте, информации со знаком качества. Она будит в ребятах любопытство, интерес, инициативу к самостоятельным телоили, лучше сказать, «душедвижениям». В принципе мы ведь чего хотим? Не только того, чтобы нравственный, культурный уровень нашего молодого рабочего соответствовал высоким требованиям производства, но чтобы этот уровень опережал сегодняшние требования, позволял творчески, осмысленно, если хотите, по-граждански относиться к своему труду, к своему заводу, к своей, в конце концов, жизни... И потом мы не только слушаем и мотаем на ус. Только в цехах (это значит не учитывая кружков при Дворце культуры) у нас занимаются самодеятельностью семьсот восемьдесят человек... У нас устраивается масса экскурсий, практически каждый выходной — в Константиново, в Ясную Поляну, Загорск, Суздаль, Владимир... Потом, конечно, спорт: базы при каж-

дом общежитии, двадцать восемь секций. Все тут: водное поло, волейбол, бокс, гандбол, и все на свете. И туристская секция тоже. Это у нас прямо «алкоголизм» на заводе — туристские походы. В субботу и воскресенье вот здесь на проходную выйти нельзя — все мешками завалено. И не просто так идут — с зачетом обязательно. А зимой снимаем базы, и в субботу туда на автобусах по четыреста-пятьсот человек сразу закатываются. Нормы сдают на лыжах. А то и просто так... Наконец, нельзя не сказать и о наших чисто зиловских формах общественной жизни: к примеру, недавно мы отметили 50-летие отечественного автомобилестроения. Был и конкурс художественной самодеятельности, и беседы об истории завода, и встречи с комсомольцами двадцатых, тридцатых годов, с ветеранами и героями труда, Героями Советского Союза. Регулярны у нас праздники посвящения в рабочие...

— Скажите, хватает ли зарплаты молодым?

— На житье-бытье?

— Не только на житье-бытье, а вот так, на каждый вечер, чтобы свободно выбрать себе занятие — пойти куда-то, скажем?

— Проводили мы анкету. Большинство сказали, что хватает. «Зарабатываю хорошо, но можно бы и больше», — в основном так отвечали. Это и действительно так. Шестнадцатилетним — выпускникам ПТУ — по сто с лишним рублей платят. С них причем ничего не вычитывают, это чистыми. Так что хватает. Потом же они дальше учатся, разряд повышается, а с ним и зарплата. Год с пятым разрядом проработал — учись дальше, сдавай на шестой. Только похвалят все. На здоровье, как говорится.

— Ну а чего просят устраивать сами ребята? Чего они хотят?

— Билеты просят. То, что происходит во Дворце, в общежитиях, ребят устраивает. Но не все же дома сидеть. Музыку любят, потанцевать — это само собой. Но вот билетов на хорошие концерты, спектакли — ой как хотят. Этого давай сколько угодно, и все мало будет. Ненасытные прямо. Да это и понятно. Ну разве нам могут дать в Театр сатиры, например, восемнадцать тысяч билетов на завод? Даже за год не дадут. А в Большой или на Таганку?..

Ближе к вечеру, на трамвае проехав через весь (нет, скорее часть) город заводских предприятий, служб, контор, жилых массивов, мы добрались до самого высокого московского холма, до Дворца культуры ЗИЛа. Во Дворце шел ремонт, уже готова была театральная часть — и зал, и фойе, если и уступающие Кремлевскому Дворцу съездов, то только размерами, еще ждал финского паркета бальный «колонный зал», еще пахли краской и лаком коридоры и болтались на гвоздиках временные таблички «Библиотека», «Драмкружок», «Дирекция»... Смена на заводе не кон-

чилась, и Дворец был населен в основном детьми: в театре выступал со спектаклем ТЮЗ, по лестнице спешили наверх длинноногие девчонки из танцевального ансамбля.

С танцев начал разговор и директор Семен Матвеевич Крухмалев:

— На первый взгляд это удивительно, но самая массовая школа у нас — это школа бального танца. Одновременно занимаются три тысячи человек. Три тысячи! Такого нигде в Союзе нет. Только за год через эту школу проходит десять-двенадцать тысяч человек. Именно молодежи.

— А как вы вообще улавливаете желания молодежи? Нет ли разрыва между тем, чего она хочет, и тем, что вы ей предлагаете?

— Вряд ли. Территориально мы стоим вроде бы в стороне от завода. Но у нас прочная связь с комсомолом. А это как барометр. Потом мы очень активно работаем в общежитиях и цехах: самодеятельность и массовая работа.

— Какие каждодневные занятия есть у вас? Не праздничные, в будни?

— Народные университеты. Их у нас девять, с девятнадцатью факультетами. Самодеятельность, ею у нас занимаются девятьсот девяносто восемь человек. Девять самодеятельных коллективов носят у нас звание народных, а это звание просто так не присваивают. Народный — значит высокий творческий уровень, определенные культурные традиции, прочный авторитет, любовь, если хотите, у зрителей. Кстати, во Дворце автозавода были воспитаны диктор телевидения Аза Лихитченко, актер Василий Лановой из Театра Вахтангова — тоже из нашей самодеятельности, Вера Васильева из Театра сатиры. Да и сейчас в нашем драмтеатре, в нем около трехсот человек, очень хорошие артисты.

— Это чье мнение?

— И профессионалов тоже.

— А в красные уголки, в общежития выезжаете?

— А как же. Сейчас идет специальная программа — к тридцатилетию победы. И концерт, и выступления героев-автозаводцев. У нас одних Героев Советского Союза шестнадцать человек.

— Семен Матвеевич, вы много лет занимаетесь клубной работой, связаны с самодеятельностью. Скажите, есть ли, на ваш взгляд, какие-либо общие черты у людей, которые, к примеру, любят самодеятельность или с азартом работают в технических кружках?

— Для меня это несомненно. Если человек в самодеятельности — он, как правило, и рабочий хороший, и живет благополучно. Я бы даже сказал — человек хороший. Это уже проверено...

Никто не спорит: свободное время — личное дело. До тех пор, пока его проведение не противоречит общественным интересам. Но оно же и дело всего общества — не только в том смысле, что оно его богатство, но и в том, что

свободное время каждого — предмет забот государства. Интервью, которые мы взяли на ЗИЛе, не рисуют полной картины жизни молодых рабочих после смены; они скорее лишь несколько иллюстраций к тому, как выполняется решение XXIV съезда партии о создании условий, благоприятствующих всестороннему развитию способностей и творческой активности советских людей...

ВСТРЕЧА С АНДРЕАСОМ ААЛЬБЕРГОМ

Жорж АРНО, французский писатель

Рассказ

Что может быть привлекательней для журналиста, нежели живой и искренний рассказ, вобравший в себя клубок проблем современности? С таким настроем я отправлялся брать интервью у Андреаса Аальберга.

Критика восторженно встретила только что опубликованный первый его роман «Зорро и спусковой крючок», отведя новому таланту заметное место на литературном небосклоне этого года. Однако собственные слова, сказанные мне автором, прозвучали настолько удивительно, что я счел разумным ничего не добавлять к ним.

Итак, ниже вы прочтете его высказывания — без ретуши и прикрас.

Я не представляю собой ничего особенного. Меня оправдывает лишь то, что мне это известно лучше других. Жгучее желание высказаться меня не снедает. Никто не поручал мне довести свои мысли или вообще что-либо до всеобщего сведения. Не буду прикидываться. Единственное, что я умею, — это рассказывать истории, да и то... Пусть читатель сам додумает, зачем я ему вываливаю все это. Учить чему-либо? Увольте...

Сегодня я вам хочу рассказать, увы, подлинную историю. Как говорится, из собственной жизни. Я бы предпочел, право слово, ее выдумать. ...Нет, не беспокойтесь, у нее счастливый конец, хотя сама история не из веселых.

До того, как стать человеком, оправдывающим свое предназначение — служить обществу, я отправился на поиски приключений. Лучшего места, чем другая сторона земного шара, для этого не придумать. Я не был ни сыном короля, ни мальчиком из богатой семьи, поэтому поехал на дрянной посудине в третьем классе и путешествовал, не прибегая к услугам туристских бюро. Я водил такси, грузовики, тракторы; был палубным матросом на панамском сухогрузе и смазчиком на норвежском танкере. До одури мыл песок, надеясь увидеть на дне старательского лотка блестки золота. Без боязни — не от смелости, а по незнанию — болтался среди прокаженных, и лет через десять болезнь может еще схватить меня. Я пережил эпидемию желтой лихорадки в Эквадоре, ходил по джунглям с индейцами, владел ночлежкой в Панаме.

Я приобрел семнадцать специальностей. И наконец вернулся на родину, в Париж, остепенившийся и счастливый, как Одиссей.

Сходя на площадь перед вокзалом Сен-Лазар, я ступал твердо, преисполненный уважения к самому себе. Когда человеку выпало на долю то, о чем я рассказал вам чуть выше, он обретает уверенность, верно? Я подносил руку к сердцу и чувствовал ток крови — тугой и мерный.

В бюро по найму рабочей силы я выложил все. И про проказу, и про лихорадку. Про контрабанду тоже.

— Я был владельцем забегаловки, золотоискателем, мастером на цементном заводе, шофером грузовика, поваром...

Пожалуй, слишком, это могло их насторожить, но меня несло.

— ...Подручным ювелира, архитектором, каменщиком, фабрикантом собачьих будок, фонарщиком, певчим в церковном хоре, не помню еще кем...

— Короче, вы умеете все?

Я скромно потупился. Ирландец в «Пиквикском клубе», возможно, тоже умел играть на скрипке, просто он никогда не пробовал.

— Ну что же... что же... мы вам напишем.

Период самоуважения кончился. Хотелось есть. В министерстве труда, как мне сказали, был специальный отдел по учету интеллигентов. Я предстал.

Пол в помещении был серый, а вопросник нескончаемой длины. У стены горбатились длинные столы, куда эти вопросники складывали после того, как вы вносили туда сведения о рождении, взаимоотношениях с законом и профессиональных навыках.

— Итак, вы сдали в свое время экзамен на юридический...

После чего мне был устроен экзамен по профориентации. Велено было дополнить ряд цифр — 1, 2, 3... Заменив многоточие цифрами 4, 5, 6, я блеснул интеллектом.

Потом мне продиктовали три слова, а я выпалил ассоциации, которые они у меня вызывают:

Любовь — женщина.

Работа — еда.

Отдых — сон.

Итак, я оказался нормальным до такой степени, что выглядел анормальным. Очень юная близорукая дева осведомилась, какие эротические сны снились мне в подростковом возрасте; увидев мое удивление, она заключила, что я необщителен, асоциален и чрезмерно стыдлив. Правда, все это она снисходительно списала на счет моего воспитания.

Наконец верховный экзаменатор изрек приговор: способен на все в лучшем смысле этого слова, то есть не пригоден ни к чему. Я очень способный — простите, я просто передаю его слова, это, повторяю, невыдуманная история — я, значит, очень способный в равной степени. Допусти я ошибку при написании биографии, мне была бы закрыта профессия типографского корректора. Не сумей я дополнить 1, 2, 3, мне было бы противопоказано бухгалтерское дело. У меня даже не было плоскостопия, преграждающего путь в почтальоны.

Заключение метра было логичным:

— Попробуйте записаться на курсы при министерстве общественных работ. Там платят стипендию.

Я вздохнул с облегчением и на крыльях понесся в министерство. Верно говорят, что у нас никому не дают подохнуть с голода!

Ошибка. Курсы уже начались. Меня могли записать только через три месяца и платить сто десять франков. В месяц. Тем временем одна безумная девушка решила скрасить нежностью мое отчаяние.

— Мы помрем с голода, — сказала она, втаскивая свой чемодан в угрюмую комнату, которую я снимал в третьеразрядной гостинице. — Но я все равно тебя люблю. Я себе места не нахожу без тебя, дурень.

Ночами мы били клопов.

Я попробовал стать водителем грузовика. Встретился с одним бывшим уголовником, который теперь крутит баранку. На лесных дорогах Колумбии мне приходилось отстреливаться от людей с таким лицом. Да и ему, похоже, приходилось стрелять в похожих на меня типов. Мы встретились как родные.

— Получите французские права, — у меня были только панамские, чилийские, перуанские, эквадорские, колумбийские, югославские и венесуэльские. — Получите права на вождение грузовика, и я вас тут же возьму сменщиком.

Пришлось буквально землю рыть носом, чтобы найти парня с моим астигматизмом, который согласился одолжить очки для медкомиссии. Потом я носился как бешеный, чтобы наскрести пятьдесят франков за сдачу экзамена, и внес их в кассу префектуры полиции.

Как вы догадываетесь, у меня не было средств записаться в автошколу, как это делает большинство. Я был нищ, и за это наказан — приглашение на сдачу экзаменов я жду до сих пор.

Но я не знал этого. Я верил в написанное. Посему отправился на центральный рынок, в Чрево, и разговорился с одним шофером.

Мне до зарезу был нужен его грузовик в день экзамена. А денег заплатить не было.

— Ладно, — сказал этот парень и вытащил здоровый бутерброд из ящика под сиденьем. И добавил: «Свистни мне, когда надо будет».

Неразговорчивый был малый. Когда я голоден, честное слово, это не видно. Он протянул мне свой бутерброд. Я сунул его в карман.

— Ты чего? Не хочешь есть?

— У меня человек дома.

Он понял. Вытащил два апельсина из ящика:

— Вот, отнеси-ка ей. Я эти апельсины не ем. Изжога.

Я взял. Черт знает почему, но мне было стыдно. По натуре я не люблю быть нахлебником. Должно быть, тот парень так и решил. Больше я туда не вернулся.

В одной страховой компании, где требовался редактор для тяжебных дел, начальник отдела кадров произнес передо мной целую речь:

— Можете обращаться ко мне «мой генерал». Вы откровенно ответили на наш запрос относительно своей биографии. Это очко в вашу пользу. И все-таки я в сомнении... Вы не проявили в своей карьере упорства и прилежания.

Он вздохнул:

— Семнадцать профессий... И это в тридцать лет...

Секунду он держал меня на канате. Я не знал, что сказать в свою пользу. Может, чин поможет?

— Мой генерал...

Пустая затея.

— В нашей фирме мы живем одной большой семьей, и не хотелось бы впускать туда людей, которые...

Он плотоядно облизнулся:

— По зрелому размышлению... нет.

Рис. Л. Корнеева

Закрыв дверь, я облегчил душу ругательством.

Мы не подохли, в нас проснулся талант. Ночами я теперь работал, а малышка спала. Мы жили в том же отеле, но теперь в другой комнате, без клопов. Иногда я бросал авторучку и подходил взглянуть на тебя. Ты пришла ко мне с чемоданом, и вид был как у беженки, бросившей все. Очень тебя люблю; и я прав.

Год я играл в кошки-мышки с заведенным порядком. Малышка, ты стала спутницей бродяги. А закон преследует за бродяжничество, независимо — делаешь ты это по доброй воле или нет. Постоянного адреса нет: комната в отеле не в счет. Средства к существованию? Ветер в кармане.

Я продал мой единственный еще вполне приличный костюм, триста пятьдесят франков, до сих пор жалею. И брюки совсем новые, пятьдесят. Куртку, пуловер, даже рубашку.

Когда-то, давным-давно, я одолжил шестьсот франков одному парню, которому они были до зарезу нужны. К счастью, он не успел их возвратить. Правда, он и теперь беден. Три раза в неделю я хожу и караулю его у выхода с работы, возле Сен-Клу; он отдает мне по пять франков.

Есть маленький проблеск надежды — писательство...

Живу по-прежнему чудом, с утра с остервенением сажусь за работу, пишу, зачеркиваю, снова пишу и снова зачеркиваю. Это будет роман. На каждой странице остается кровь и пот. Абсолютно непечатаемо.

Когда малышке очень хочется есть, а дома ничего нет, она тихо плачет, это отвлекает. А потом успокаивает меня.

— Ваши документы? — спрашивает полицейский с нашивками. Ночной обход гостиницы. — Профессия?

— Писатель.

— Кто ваш издатель?

— Дело в том...

Короткий смешок, похожий на рык:

— Ты что, за дурака меня принимаешь?!

— Господин инспектор, простите, пожалуйста. Я знаю, что это не полагается. Нельзя быть писателем, раз тебя не печатают. Я просто взываю на первый раз к вашей доброте. Пожалуйста...

Я с трудом заставляю себя не произнести всего этого. Да, друзья мои. Помните дона Андреа, он же Эль Маракучо, контрабандист, которому сам черт не брат? Кончился. Нет больше дона Андреа, растаял, как сало на вертеле; и Эль Маракучо испарился. Вместо задиры теперь худой малый, почтительный и терпеливый. Недобрый взгляд на толстяка в форме, оскорбительное молчание? Маскарад. Под маской, уверяю вас, никого нет.

Я писатель, потому что не могу быть чернорабочим — на стройку не берут первого попавшегося. А раз писатель, я пишу. Вполне печатаемый роман, очень живой и с юмором.

Издатель дал мне немного денег. Потом отдал рукопись литправщику. И в конце концов раздумал публиковать.

За сто франков я взял напрокат машинку. Удалось напечатать сто страниц, потом я снес машинку в ломбард, выкупил одну кастрюлю и в магазине взял кое-что из еды. Малышка совсем сдала. Последнее время мы напрашиваемся в гости к одному приятелю. Его жена в ярости. На третий раз она взрывается:

— Вы что думаете, у нас здесь харчевня? Работа — это профессия, карьера. Вам кажется, достаточно иметь две руки, две ноги, научиться считать до ста, и вам тут же на блюдечке поднесут теплое местечко с окладом? Бездельник! Побирушка! Нахал! Неудачников карает бог, и он знает за что!

Мы слушали ее, но не было сил уйти, не поев хотя бы картофельного салата.

Машинка была в ломбарде, а срок за бродяжничество нависал за дверью. В один прекрасный день малый из бюро проката явится за машинкой и приведет полицию. Инспектор обругает меня и малышку. Я велю ему закрыть пасть. Он распалится. Она закатит ему затрещину, он толкнет ее, я вступлюсь. Меня изобьют в кровь, потом добавят еще в участке. Хоть я и стал другим, но я сделаю все, чтобы его убить.

Один безумец, сохранивший жалость, — а она сохранилась только у безумцев, — одолжил мне сто франков. Я взял машинку из ломбарда и напечатал еще сто страниц.

— Попробуем сунуть это в издательство, которое выпускает чтиво для вокзалов. Если выгорит, мне обломятся двести франков.

— О! Неужели?

— Ну, по крайней мере сто. Пускай выпустят хоть на клозетной бумаге, лишь бы взяли.

Она начала читать то, что у меня получилось.

— Ты знаешь, очень даже неплохо, милый.

— А-а, дрянь...

— Пусть бы только взяли.

— Слушай, я больше не могу видеть тебя голодной. Поезжай к своим старикам, отъешься какое-то время.

— А потом?

— Я приеду забрать тебя.

Литературный агент, которому я показал свою вещь, нашел в ней какие-то достоинства и послал в крупное издательство. В результате чего я стал богат и уважаем.

Но это уже не интересный финал. Абсурдный. Если бы я взялся придумать эту историю, в конце мне надо было бы описать девушку — как она ждет меня, одна, а я лежу на углу улицы, срезанный автоматной очередью капрала из Бригады по расправе с недовольными...

Какая глупость, что мне отказали в стольких местах! Из меня вышел бы отличный водитель грузовика, это мое подлинное призвание. Я был бы честнейшим редактором тяжебных дел в страховой конторе. А какой из меня ночной сторож! Или телохранитель при богатом субъекте, имеющем врагов. Я стал бы замечательным подручным у кондитера. Или преданным клерком.

И вот вместо всего этого — плохой писатель. Говорю вам как на духу: у меня нет таланта. Нисколько. Мне очень жаль моего издателя — это неплохой человек, он мне нравится. Жаль мне и литературу: по мере сил я буду способствовать порче вкуса у целого поколения. А самое поганое то, что отныне я пустил корни, — меня принудили стать писателем, закрыв все двери. И я цепляюсь руками и ногами. Теперь у меня есть на что сослаться — имя напечатано крупными буквами на обложке книги. Ее продают везде, ее можно предложить на любой возраст: там нет ничего, кроме слов.

Я могу теперь входить в кабинеты с поднятой головой. Меня встретят крайне вежливо.

— У вас есть рекомендации, — скажут мне.

То не будет уже пренебрежительный вопрос, а констатация общеизвестного факта. Почти как юридическое свидетельство, подделка невозможна.

Еще бы! Моя рекомендация отпечатана тиражом сто тысяч экземпляров! А моя малышка может теперь есть гусиный паштет хоть каждый день.

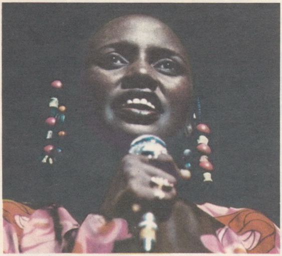
Да.

Но двери по-прежнему на замке. Только мое место заняли другие профессионалы по подыханию с голода. Этому быстро научаешься.

Андреас Аальберг смолк, пожал плечами и сунул окурок в пепельницу из оникса с серебряными инкрустациями. Я попрощался.

В подъезде я вдруг остановился и подумал: а не посмеялся ли он надо мной?..

Перевел с французского М. БЕЛЕНЬКИЙ

МИРИАМ МАКЕБА ПОЕТ ПРАВДУ

В Париже, на сцене крупнейшего концертного зала «Олимпия», проходят гастроли Мириам Макебы. Журнал французских коммунистов «Юманите-диманш» опубликовал беседу с этой известнейшей африканской певицей. Приводим оттуда некоторые выдержки.

«Мое настоящее имя Зензи Олу Уфало Нагиши. Макеба — имя моего отца. Ну а Мириам — так звали мою подругу, она умерла в эмиграции. Я родилась на окраине Йоханнесбурга, в нищем бидонвиле, и считаю, что мне еще повезло — многим детям в ЮАР вообще не доводится ни разу в жизни увидеть большого города... Петь я начала рано. Насколько помню, первые песни были мои собственные. Мне не приходилось искать для них тем — ни прежде, ни теперь... Достаточно взглянуть на мою концертную программу: «Лумумба», «Черная мама, любимая мама», «Так далеко, до тебя не дойти». Одна из последних вещей называется «Шахтеры». Я написала ее под впечатлением расстрела полицией бастующих рабочих рудника Карлтонвилль. Это в пятидесяти километрах от Йоханнесбурга. Зловещее совпадение — убийство случилось 11 сентября 1973 года, когда в Чили начался фашистский путч! Об этом в песне тоже есть строчки... Про меня часто пишут: «Макеба поет политику». Я отвечаю: я пою правду.

Мой концерт называется «Африка», и я вижу в этом глубокий смысл. Когда власти ЮАР лишили меня гражданства, буквально на следующий день мне предложили свое гражданство Гвинея, Танзания, Алжир, Либерия, Уганда, Судан, Мавритания и Куба».

КАК ХОРОШО ТАК МАЛО ЗНАТЬ

Уголовная полиция ФРГ провела в городе Гёттингене любопытную анкету. 1200 жителям был задан только один вопрос: «Бывали ли случаи, когда, став жертвой воров или хулиганов, вы не сообщали о происшествии в полицию?» Свою фамилию при этом называть не требовалось. В результате выяснилось, что за помощью в полицию обращался лишь один из каждых трех обворованных гёттингенцев и один из семи избитых. Почему? «Да все равно полиция ничего бы не сделала», — был ответ.

Провести опрос населения предложил шеф западногерманской уголовной службы д-р Хорст Герольд, с тем чтобы внести ясность в статистику преступности. Пока что эта статистика выглядит так: десять убийств (одиннадцать — поправляет журнал «Штерн») и девятнадцать изнасилований в сутки, каждые 20 секунд — воровство, каждые 4 минуты — мошенничество, каждые 9 минут — квартирный взлом. Причем с каждым годом растет число нераскрытых преступлений — их сейчас больше половины всех известных полиции. А сколько неизвестных?

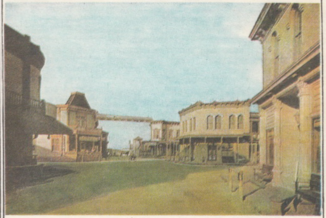
У д-ра Герольда есть в запасе еще одна, пока не опробованная анкета с вопросом: «Не совершили ли вы преступления, о котором полиция ничего не знает? (Фамилии не надо, анонимность гарантируется.)» Ее не торопятся пускать в ход. Оно и понятно: уголовная статистика уже сейчас достаточно мрачна, чтобы пополнять ее за счет пока неизвестных преступлений. «А что, если поступать наоборот? — размышляет «Штерн». — Люди страхуют от воровства автомобили, квартиры, лавки. И когда они являются в полицию за протоколом, дающим право на возмещение убытка, это сразу отражается на статистике воровства. Если же отменить страхование от автомобильных краж, то число зарегистрированных ограблений сразу упадет на 400 тысяч в год; сам факт этот благотворно скажется как на статистике, так и на спокойствии бюргера». И то верно — чем меньше знаешь, тем оно спокойнее...

На снимке: штаб гамбургской полиции днем 18 апреля 1974 года. Только что поступил звонок: в центре грабят банк!

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ. Миланский журнал «Эпока», отвечая на вопрос читателя, как, когда и что читают в Италии, сообщает, что ежегодно в стране публикуется около 15 тысяч наименований общим тиражом в 110 миллионов экземпляров и общей стоимостью в 300 миллиардов лир. Цифры эти, способные поразить воображение «среднего» человека, статистиков огорчают. В самом деле, если из общего числа книг вычесть учебники, картина получается тревожной: Италия занимает последнее место в Европе по числу читателей (24 человека, прочитавшие за год хотя бы одну книгу, на каждые 100 жителей).

ЧИСТЮЛИ. Не только свободное, но и «деловое» время с пользой провел студент американского университета в Бингемптоне, простояв под душем четверо с половиной суток. Имя любителя чистоты и славы осталось, увы, неизвестным. Известно, однако, что «спортсмен» в состоянии полного окоченения был срочно доставлен в больницу. Мировой же «рекорд» сохранил за собой некий Питер Шелл (ФРГ): он мылся 168 часов, то есть ровно неделю.

ФАБРИКА ГРЕЗ МЕНЯЕТ АМПЛУА

Небо внезапно прорвалось, и хлынул страшенный ливень; взбесившаяся вода ринулась со склона и вывернула дерево. Двадцать секунд спустя дерево стало на место, а вода потекла обратно вверх.

Чудеса? Ничего подобного. Это один из «специальных эффектов», который демонстрируют во время осмотра знаменитых голливудских студий. Допуск публики в святая святых кино начался в 1960 году, когда стало ясно, что знаменитая «фабрика грез» США прогорает. Из 120 фильмов здесь снимается теперь едва ли десятая часть. В длинных очередях простаивают 15 тысяч безработных киноиндустрии.

За четыре доллара посетители объезжают теперь город декораций и оказываются как бы «внутри» любимых фильмов своего детства. Они видят холмы и озера, все сооруженные искусственно, сотни знакомых зданий, за фасадом которых пустота. Мимо прохаживаются киночудовища, вежливо беседуя с визитерами. Кстати, здесь был случай, когда один трехлетний мальчик бросился в объятья страшного Франкенштейна с радостным воплем: «Папочка!» Люди же постарше в конце обзора уже не верят никому и ничему. Ощупывают листья и цветы, удивляясь, что они настоящие. Одна женщина, указывая на водопад, утверждала, что он целлофановый. Другая, указывая на расположенные в пятидесяти километрах горы, обратилась к гиду: «Послушайте, как часто вам приходится их перекрашивать?»

ДЕТСКАЯ ВПЕЧАТЛИТЕЛЬНОСТЬ. В городской суд Амстердама поступил иск от одной голландской дамы. Она требовала призвать к ответу кинооператора Кристиана Зубера. Дело в том, что по системе «Евровидение» показывали снятый Зубером фильм о трагической судьбе диких животных Африки. Там говорилось и о том, что модницы повинны в истреблении зверей, так как именно они набивают цены на меховые изделия. Просмотрев фильм, 12-летний сын голландской дамы немедленно взял бритву и, достав из гардероба маминo манто из пантеры, изрезал его на мелкие кусочки.

ВЕЙ, ВЕТЕРОК

Все вздорожало: и нефть, и газ, и бензин, и электричество. Радикального решения кризиса теперь не обещает даже правительство. Вот и приходится искать индивидуальный выход из тяжкого положения. Англичанин Арнольд Стид вспомнил про старую добрую ветряную мельницу: крутится себе, топлива не просит, а электричество вырабатывается, да еще столько, что хватает для его маленькой фабрички в Хольме. Только томит душу Стида страшный вопрос: а вдруг власти вспомнят про существовавший в средние века налог на длину крыла ветряной мельницы? Тогда вся экономия пойдет насмарку.

ПО СНЕЖНОЙ ГЛАДИ

Обидно, очень обидно с наступлением зимы запирать в сарай свое верное суденышко. Француз Жан-Поль Грийе рассудил по-иному. Взвалив на плечо байдарку, он отправился в горы и теперь спускается с заснеженных склонов — только ветер в ушах свистит! Грийе доволен: по снежной глади лодка скользит куда быстрей, чем по водной. А это хорошая прелюдия к штурму рекордов.

У „РОВЕСНИКА" В ГОСТЯХ

КУРТ ВОННЕГУТ У САМОВАРА

Принимать в гости знаменитых людей трудно, но нас в этих случаях выручает уют редакционного камина и самовар. Наверное, не менее трудно быть и знаменитым. Впрочем, не знаем: как-то не догадались спросить у нашего недавнего гостя, американского писателя, автора книг «Утопия-14», «Колыбель для кошки», «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей». Но были, конечно, другие вопросы, разговор получился долгим и интересным. Ниже вы прочтете три реплики Курта Воннегута по трем разным поводам.

О МОЛОДЕЖИ. «В США сейчас модно льстить молодежи, говорить о ней как о самом прекрасном поколении, когда-либо жившем в нашей стране. На самом деле оно довольно похоже на предыдущие. Я думаю, они, молодые, похожи на меня: в конце концов я всего лишь на 20 лет старше моего сына Марка».

О ПИСАТЕЛЯХ. «К писательству, к писателям у меня мистическое отношение. У писателей должен быть особый организм, в котором как бы закодировано будущее человечества. И когда я встречаю молодого писателя, мне хочется узнать, что там у него внутри, каким он видит будущее мира и свое ли у него это видение...»

О СЕБЕ И ЖЕНЕ ДЖИЛЛ, ПРИСУТСТВОВАВШЕЙ НА ВСТРЕЧЕ. «Когда кто-то у нас публикует первую книгу, он обычно просит своих детей, тещу или жену сфотографировать его, и эту фотографию помещают на последней странице обложки книги. Потому-то никто и не знает, как выглядит автор. Джилл же у нас в стране считается прекрасным фотографом... Вот так я и стал известным».

Фото В. Орлова

ВИДИТ ОКО...

В данном случае око этого юного англичанина видит музыкальные инструменты, выставленные в витрине магазина. Но внимание его приковывают не сверкающие саксофоны и не опутанные проводами электрогитары, а ценники. Коммерческий успех ансамблей, да и просто мода вызывают к жизни все новые и новые бит-группы. Большинству из них не удается выбиться на большую эстраду, но соблазн попробовать все равно велик: а вдруг?.. В соответствии со спросом торговцы подняли цены на недосягаемую высоту. И тогда... Тогда произошло то, о чем предупреждала полиция, — участились кражи музыкальных инструментов. Их крадут из витрин (сигнализация бессильна), а то и прямо на концертах у зазевавшихся исполнителей.

— Теперь, — жалуется гитарист Брайан Нилс,— в штат ансамбля придется добавить специального охранника для инструментов и аппаратуры.

ДЕМИС РУССОС: «Я И МОЙ БУЗУКИ»

Демис Руссос был уже достаточно известен на континенте, когда в 1973 году приехал выступать в Англию. Там его ждал «скандал наоборот» — отсутствие ажиотажа, хотя многочисленный персонал королевского «Альберт-холла» приготовился к привычным боям с поклонниками. Случилось необычное — многочисленные «фэны» (рьяные любители поп-музыки), может быть, впервые за долгое время по-настоящему слушали музыку. Слушали... спокойно.

На сцену вышел неброско одетый человек со странным инструментом в руках — это бузуки, греческая разновидность мандолины. Он начал петь под ее аккомпанемент очень простые песни. Не было в них ни сладких любовных вздохов, ни выкликов, а была «честная философия настоящего артиста», как писал в рецензии критик музыкального журнала «Мелоди мейкер».

Об этом артисте мы хотим рассказать подробнее.

Грек Демис Руссос родился в 1946 году в Египте, в Александрии. Подростком увлекался живописью и музыкой, научился играть на фортепьяно, скрипке, трубе и гитаре. Позднее семья переезжает в Грецию, и Демис поступает на философский факультет Афинского университета. Параллельно с лекциями Демис посещал консерваторию и учился играть на бузуки.

Подобно многим своим ровесникам, Демис Руссос вступил в организацию «Демократическая молодежь Ламбракиса». Они вели не только политическую, но и творческую работу. Молодые поэты, композиторы, певцы писали музыку и стихи, навеянные искусством родной Эллады.

В страшный день 21 апреля 1967 года, когда к власти пришли «черные полковники», Демис Руссос был в Париже — приехал на каникулы. Первые сообщения из страны: правительство низложено, власть в руках фашистской хунты, тысячи людей, среди них лучшие представители творческой интеллигенции, брошены за решетку...

Демис решает остаться во Франции. Не без труда находит работу в парижском кафе — поет для греков-эмигрантов. Здесь Демиса и его друзей находит представитель фирмы грамзаписи «Филипс». После пробных прослушиваний подписывается контракт, и в июне 1968 года на музыкальном горизонте появляется новое имя — греческое трио «Дитя Афродиты». Они выпускают первую пластинку с песней «Дождь и слезы». Это был успех: «сингл» становится во главе хит-парадов большинства стран Западной Европы.

Причина успеха нового ансамбля? Прежде всего в удивительном голосе солиста трио — Демиса Руссоса. Его сердечная манера пения, легкий акцент хрипловатого голоса, несентиментальная грусть звучали удивительно ново. В тонких модуляциях и высоких глиссандо чувствовалась большая музыкальная культура. В одной фразе он многократно меняет окраску.

«Дитя Афродиты» становится популярен. Ансамбль приглашают в турне по Франции и Италии. За сравнительно короткое время продается около миллиона пластинок с песней «Дождь и слезы».

Ну а дальше? На роль «звезды», как выяснилось, Демис Руссос не годился. Он не мог петь песни по заказу импресарио, который выбирал ему авторов и репертуар.

Ровно через три года Демис Руссос ушел из ансамбля «Дитя Афродиты» и начал свою соло-карьеру. Шаг рискованный. Друзья предупреждали, что это может быть началом конца. Демис стоял на своем. Он привлек к работе своих товарищей по организации «Демократическая молодежь Ламбракиса», оказавшихся в эмиграции, молодых композиторов и поэтов — С. Влавианоса, Р. Константиноса, Ч. Чалкитиса, А. Каракадаса. Писал музыку на стихи Яниса Рицоса и Вреттаноса. Так родился альбом «Лед и пламень». «Это была пластинка — размышление о судьбе Греции, о любви, о жизни и смерти, — писал французский музыкальный журнал «Кидд», — Руссос здесь выступил не только замечательным вокалистом, но и прекрасным аранжировщиком и дирижером».

В середине 1972 года Демис отправляется в гастрольную поездку. Сначала — Франция, Италия, Австрия, а потом многомесячное турне по Южной Америке, закончившееся в конце года подлинным триумфом на фестивале популярной музыки в Рио-де-Жанейро. Музыкант много работает в поездке и летом 1973 года выпускает, пожалуй, самый известный свой альбом «Навсегда»:

Нет пути, нет выхода для нас.
И выход не появится, если просто ждать,
А мы не можем просто ждать —
Как только проснется день,
Они поймают тебя,
Так что лучше уйти с нами — выхода нет.
Нельзя просто ждать
Там, где никто не может быть свободным.
Нет другого пути, мой друг.

Третья долгоиграющая пластинка певца — «Только очарование», в которой Руссос продолжает развивать тему глубоко философской, гражданской лирики, вышла через год, в мае 1974 года. Два месяца спустя пришла счастливая весть: в Греции рухнул фашистский режим! Демис рвется выступать на родину. Перед отъездом в интервью итальянскому еженедельнику он сказал: «В своих песнях я всегда рассказывал людям о моей отчизне — многострадальной Греции, о ее музыке, природе, культуре. И вот теперь, когда окончилось семилетнее заточение греческого народа, я по-настоящему счастлив!»

В. ОСОКИН

БРАНИМИР ДЖОКИЧ: «Я ИГРАЮ НА АККОРДЕОНЕ»

А. НЕВИЦКИЙ
Фото автора

В Белграде нас пригласил к себе архитектор Паунович. Народу собралось много, причем не по принципу «старики — отдельно, молодежь — отдельно», а все разом. Говорили тоже все разом. Вокруг — из уважения к гостям — звучала русская речь. Ничего удивительного: хозяйка дома преподает русский, дочь Весна учится на филологическом, а сын Никола был в Москве, как, впрочем, и многие другие из гостей. Шуму было много. Танцевали, говорили, смеялись. Никола подвел меня к одному из присутствующих:

— Вот, познакомься — тот самый Джокич.

— Бранимир, — протянул руку молодой парень.

— И, пожалуйста, не думай, что тебе дадут сегодня отлынивать! — продолжал Никола.

Он сам отправился в переднюю, откуда с превеликими осторожностями доставил тяжеленный черный футляр. Разноголосье гостей смолкло, как смолкает оркестр в момент, когда дирижер появляется за своим пюпитром. Выключили радиолу, расставили стулья. Все делалось как-то очень слаженно — чувствовалось, что приготовления эти проводятся не впервой.

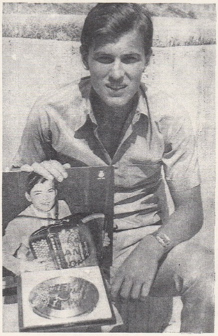
Бранимир вытащил из футляра аккордеон, расстелил на коленях мягкую ткань, медленно, примеряясь, завел за плечо ремень. Как перед прыжком в воду, сделал несколько глубоких вдохов. Тишина наступила полная.

И вдруг раздался мощный аккорд — в комнате он произвел впечатление соборного орга́на. Звуки рушились водопадом, хотя пальцы музыканта, казалось, были недвижны на перламутровых кнопках. Бранимир смотрел на нас, никого не видя. Потом, уже в разговоре, он сказал, что в момент игры он **видит** музыку, больше ничего.

Слушатели этого импровизированного домашнего концерта были неутомимы в аплодисментах, а исполнитель щедр. Баховские токкаты сменялись великолепными импровизациями, джазовые пассажи — «Катюшей» и «Тонкой рябиной» (это уже в нашу честь). А когда Бранимир заиграл коло — с радостной улыбкой, виртуозно, получая сам не меньшее удовольствие, чем присутствующие, гости растащили стулья и встали в круг. Тяжелый аккордеон звучал словно свирель у пастушонка. Мы вскинули руки на плечи друг другу и двинулись — сначала в одну сторону, потом в другую. Быстрее, еще быстрее. Это коло, народный танец, любимый всеми. И я, дотоле не танцевавший его ни разу в жизни, как-то естественным образом не портил общей картины.

Такой вот был замечательный вечер у Пауновичей. Мы договорились встретиться с Бранимиром на следующий день, после полудня у него был свободный от репетиций час. Решено было погулять по Белграду и поговорить. Я уже сказал Бранимиру, что хочу взять у него интервью для «Ровесника».

До встречи я успел подготовиться и узнать кое-что о Бранимире Джокиче. Начал играть на аккордеоне под руководством отца, в семь лет поступил в музыкальную школу. В 10 — дал первый концерт В 14 лет стал победителем на ежегодном любительском конкурсе аккордеонистов Сербии. На следующий год — первое место на всеюгославском конкурсе. Проходит год, и он опять подтверждает свое лидерство на соревновании профессионалов. В 17 лет приглашен солистом оркестра народных инструментов Белградского радио и телевидения. Сейчас, в 24 года, он обладатель золотой пластинки, разошедшейся в 500 тысяч экземпляров (!), и четырех серебряных дисков.

Популярность Бранимира Джокича я почувствовал буквально с первых же шагов. Из бассейна вышла группа подростков с пестрыми спортивными сумками. Двое тут же подошли, извинились.

— Бранимир, вы где-нибудь даете уроки? Где можно научиться играть, как вы? А правда, что у вас аккордеон переделанный?

— Правда. Я кое-что изменил в конструкции.

Интервью началось само собой и, как видите, без моего участия. Еще через несколько шагов Бранимира опять узнали, спросили, когда он будет выступать в следующей телепередаче...

Народный артист — понятие демократическое. Шагая рядом с Джокичем, я убедился в этом наглядно.

— Итак, Бранимир, ты бывший вундеркинд...

— Знаешь, в Шабаце — это маленький городок под Белградом, я там родился — о вундеркиндах было слабое представление. Просто считали: парню нравится пиликать на гармошке, пусть занимается.

— Однако ведь были концерты, конкурсы...

— Верно. Но тепличной атмосферы, которой окружают «юное дарование», я, к счастью, не знал. Обстоятельства сложились так, что в юношеские годы пришлось отказаться от мысли продолжить музыкальное образование, надо было помогать семье. Отец привил мне вкус к усердной работе.

— Сколько часов ты играешь ежедневно?

— Если вечером концерт или запись, то «разыгрываюсь» два-три часа. Если день свободный — то пять часов. Шлифую технику. Добиваюсь новых оттенков.

— Такой вопрос. Тебя не удивляет, что сейчас, при таком обилии составов, исполняющих поп- и рок-музыку, молодые люди собираются слушать аккордеониста. И это ведь не только в Югославии?

— Конечно. Я гастролировал в Польше, Венгрии, Румынии, Италии, Австрии, Чехословакии, ФРГ. Надолго запомнились мне полуторамесячные гастроли по Советскому Союзу. Повсюду среди аудитории было много молодых. Что тебе сказать... Если музыку воспринимать только как фон или как ритм — возбуждающий, приводящий в транс, увлечение ею проходит довольно быстро. Но если вкус развивается, если человек начинает ценить, скажем, те же импровизации, тогда он интересуется личностью музыканта, тогда его как личности взаимоотношения с музыкой становятся и богаче и прочнее.

— Скажи откровенно, твой успех был бы еще больше, если бы у тебя в руках был не аккордеон, а электрогитара или саксофон?

— Нет! Аккордеон еще далеко не полностью раскрыл свой «талант». Он способен звучать и как пианола, и как флейта, и как человеческий голос. Уверен, что предстоит еще много «открытий» этого инструмента... Я очень люблю слушать Арта ван Дама, и когда сам начинаю играть в его стиле, звучание — самое что ни есть современное! ...И потом, в аккордеоне есть что-то доверительное, трогающее душу. А это очень нужно человеку. Каждому.

Главный редактор А. А. НОДИЯ.

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ (зам. главного редактора), О. А. ГОРЧАКОВ, В. В. ГРИГОРЬЕВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, В. П. МОШНЯГА, В. Д. ОСИПОВ, Б. А. СЕНЬКИН, С. А. ЧИБИРЯЕВ.

Художественный редактор О. С. Александрова.
Оформление В. Д. Грызлова.
Технический редактор В. Н. Савельева.

Адрес редакции: Москва, 103104, Спиридоньевский пер., 5. Телефон 290-36-55. Рукописи не возвращаются.
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 19/XI 1974 г. Подп. к печ. 23/XII 1974 г. А07855. Формат 60×90 1/8. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 470 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 2293.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Имя композитора Эннио Морриконе стало регулярно появляться в титрах итальянских фильмов с 1965 года, после выхода киноленты «За горсть долларов». С тех пор он создал музыку к 200 картинам.

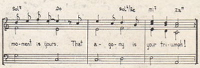
Впервые советские зрители встретились с музыкой Э. Морриконе в фильме М. Болоньини «Метелло». Осенью прошлого года по советским экранам прошла французская картина «Похищение в Париже». Успех ее во многом разделяет драматичная, полная напряженности музыка Э. Морриконе.

В жанре политического кино композитор сотрудничает с такими известными режиссерами, как Элио Петри («Следствие по делу гражданина вне всяких подозрений») и Джулиано Монтальдо. О фильме Д. Монтальдо «Сакко и Ванцетти» мы писали в № 2 за 1974 год. Песня, слова которой написала известная американская певица Джоан Баэз, звучит в финале фильма — после казни рабочих активистов Николо Сакко и Бартоломео Ванцетти:

sacco e vanzetti

Громче, яростный набат.
Смолкни, траурная медь.
Вы живы, Николо и Барт,
Вы смертью победили смерть.

(Перевод С. Гончаренко)

Индекс 70781
Цена 20 коп.